

Г. Коворчикъ.

ПОСЛЬ ТРУДА

1915 г. Пробужденіе № 18-й

15-го Сентября 1915 г

Прошла моя весна...

Прошла моя весна, послѣдній отблескъ
мая
Давно въ дали угасъ за темной пеленой,
Несутся мысли прочь, безслѣдно замирая,
И муза, наклонясь, прощается со мной.

Постой, не уходи. Быть можетъ, вспых-
нетъ пламя,
По жиламъ кровь моя забьется вновь
ключемъ,
И, одолевъ врага, победы славной знамя
Мы вынесемъ въ рукахъ съ сияющимъ че-
ломъ.

Верни мою весну, одѣнь ее цвѣтами,
Роскошные коверы раскинь изъ пышныхъ
розъ
И мысль мою осыпь рубиномъ, янтарями,
Сплетай опять вѣнки изъ лучезарныхъ
грезъ.

Мнѣ жизнь еще мила, мнѣ страшенъ
мракъ могилы...
О, муза, огради неплюющимъ крыломъ,
Зажги во мнѣ скорпѣй хоть искру прези-
ней силы,
Я встану для борьбы съ карающимъ ме-
чемъ.

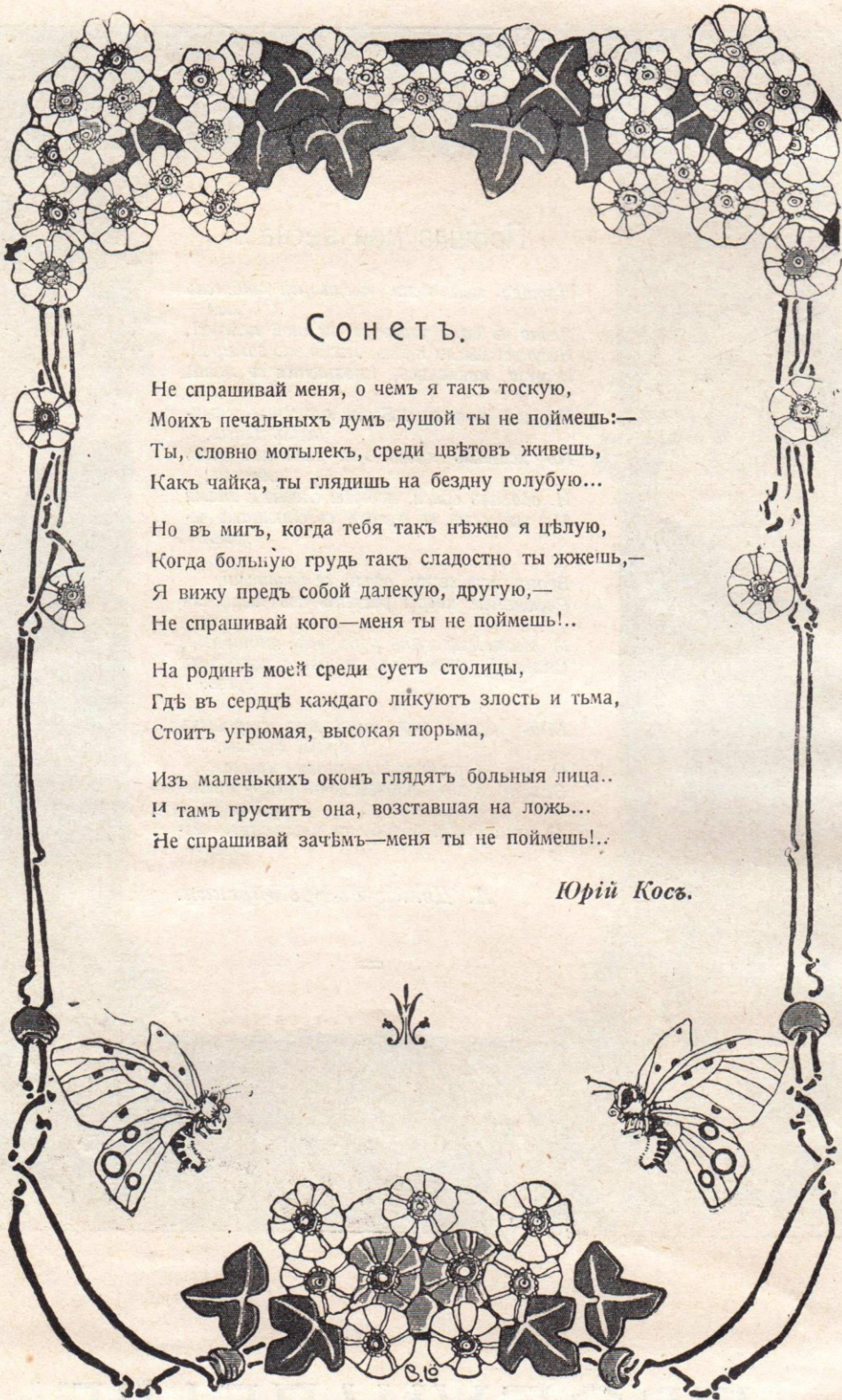
А. Домасудъ-Бромирская.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 18-й.

Центральная библиотека им. Зои
им. Грана

Сонетъ.

Не спрашивай меня, о чемъ я такъ тоскую,
Моихъ печальныхъ думъ душой ты не поймешь:—
Ты, словно мотылекъ, среди цвѣтовъ живешь,
Какъ чайка, ты глядишь на бездну голубую...

Но въ мигъ, когда тебя такъ нѣжно я цѣлую,
Когда большую грудь такъ сладостно ты жожешь,—
Я вижу предъ собой далекую, другую,—
Не спрашивай кого—меня ты не поймешь!..

На родинѣ моей среди суетъ столицы,
Гдѣ въ сердцѣ каждаго ликуютъ злость и тьма,
Стоитъ угрюмая, высокая тюрьма,

Изъ маленькихъ оконъ глядятъ больныя лица..
И тамъ груститъ она, возставшая на ложь...
Не спрашивай зачѣмъ—меня ты не поймешь!..

Юрій Косъ.

Деревенскій батюшка.

Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.

Жилъ въ селѣ Зимогорахъ священникъ, по имени отецъ Андроникъ, человѣкъ уже пожилой, но еще крѣпкій и бодрый, знавшій болѣзни только по ихъ названію, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Семейство его состояло душъ изъ двѣнадцати, всякихъ половъ и возрастовъ, такъ что старинный и обширный поповскій домъ всегда былъ наполненъ веселымъ оживленіемъ, смѣхомъ, споромъ, гамомъ голосовъ. Часто тамъ слышались звуки гитары, на которой мастерица была играть старшая дочь, вдова, крики играющихъ дѣтей, а на дворѣ звякали колокольчики паръ и троекъ заѣзжихъ гостей. Самъ о. Андроникъ былъ человѣкъ веселый, весьма общительный, въ прежніе годы и выпивалъ изрядно, но при всемъ томъ видомъ былъ скромнень, обхожденіемъ со всѣми вѣжливъ, не взирая на лица и званія, а нравомъ такой мягкій, добрый и въ то же время до неуступчивости справедливый, что прихожане его высоко цѣнили и никакъ не хотѣли отпустить, когда онъ нѣсколько разъ собирался, въ виду многосемейности, перевестись въ болѣе богатый приходъ. Зимого-

ры—село небольшое и бѣдное, затерявшееся въ глуши лѣсовъ, могло бы дать пропитаніе священнику лишь начинающему и не обремененному дѣтворой. Супруга о. Андроника нисколько не приняла во вниманіе этого важнаго обстоятельства и въ первые-же годы совмѣстной жизни два раза подъ-рядъ осчастливила его двойнями, а затѣмъ уже съ аккуратностью ежегодно рождала по одному домочадцу. Но отъ этого о. Андроникъ становился только веселѣе.

— Обиліе велие!—радовался онъ.

Иногда, при гостяхъ, нахваливалъ попадю.

— Продолжай, продолжай, дорогая супруга,—шутилъ онъ,—и да будетъ потомство наше, какъ песокъ морской, во исполненіе завѣта Господня: плодитесь, множитесь, наполняйте землю...

Однако, приходилось подумать и объ «обладаніи землею». О. Андроникъ взялъ на себя исполненіе этой части библейскаго завѣта, и исполнилъ въ точности. Такъ какъ настаивать на платѣ за требы по выработанной практикою таксѣ онъ не могъ и не любилъ, прихожане отвели ему земли больше, чѣмъ полагалось. Впослѣдствіи онъ сталъ еще пріарендовывать землю. И развелъ обширное хозяйство. Дни и ночи проводилъ онъ на лѣсныхъ полянахъ, лично принимая участіе въ работахъ. Эта трудовая жизнь, почти крестьянская, и существовавшая, несмотря на всѣ труды, недостатокъ въ средствахъ наложили съ теченіемъ времени отпечатокъ на весь обиходъ жизни и на самую внѣшность о. Андроника. Отъ природы человѣкъ крупный, мощный, жилистый, одной рукою поднимавшій пятипудовые мѣшки, онъ видомъ напоминалъ добродушнаго, лохматаго, мѣднолицаго хозяйствен-

наго мужика. Ходилъ въ додѣльныхъ сапогахъ, научившись шить ихъ самъ, и вѣчно въ заплатанномъ подрысникѣ, потерявшемъ отъ времени и цвѣтъ, и форму. Впрочемъ, и подрысникъ былъ для него какъ-бы присвоеннымъ званію мундиромъ, въ которомъ ему было неудобно и тѣсно: большею частью ходилъ онъ въ немъ—распахнувшись, и при каждомъ удобномъ случаѣ снималъ его, оставаясь въ широкихъ черныхъ брюкахъ и цвѣтной рубахѣ на выпускъ, подпоясанной выцвѣтшимъ кожанымъ ремнемъ. Не удивительно, что при косьбѣ онъ шель первымъ и только покрикивалъ:

— Не отставай, ребяташки-и...

Уходилъ впередъ, останавливался, ждалъ.

— Ну-ко, ну-ко, догоняй, милые друзья!

«Милымъ друзьямъ» жилось у него, какъ у Христа за пазухой. Они были какъ-бы членами семьи. Только вечерній чай да чествованіе гостей происходили интимно въ комнатахъ, завтраки-же и обѣды—въ кухнѣ, за общимъ столомъ, вмѣстѣ съ работниками, сидѣли и члены батюшкина семейства, подъ предсѣдательствомъ самого батюшки, неукоснительно благословлявшаго трапезу и читавшаго молитвы передъ ѣдою и послѣ оной. Всегда присутствовали за трапезой и разные убогіе люди, иные—случайно приглашенные,—нищіе, проходимцы, странники, другіе—въ качествѣ постоянныхъ нахлѣбниковъ, какъ дурачки Якимушка и Маша-аляля. Долго сидѣть за трапезой батюшка не любилъ: уважалъ людей, управлявшихся съ ѣдой быстро.

— Время—дѣло золотое,—говорилъ онъ,—ну-ко, ну-ко, за работку поторапливайся!

Первымъ выходилъ изъ дому съ топоромъ, съ косой, съ граблями или съ требникомъ, смотря по надобности.

И былъ первымъ во всякой работѣ.

Онъ любилъ самъ навивать сѣно на воза, сооружать ометы, пахать дымящуюся весеннюю землю. Самъ, съ особеннымъ благоговѣйнымъ чувствомъ, разбрасывалъ сѣмена. Даже самъ ѣздилъ зимой за дровами, потому-что любилъ лѣсъ въ его серебряномъ уборѣ, таинственно-сказочную лѣсную тишину, навѣвавшую странныя, необычныя мысли о чемъ-то загадочномъ и вѣчномъ. И жалко ему было будить эту тишину звенящимъ стукомъ топора, онъ вслушивался въ нее, сплетался съ нею нитями души, ему самому непонятными. Но, когда принимался за работу, разгорался, и весело ухалъ. И чувствовалъ, что оживаетъ лѣсъ отъ его работы. Возвращался изъ лѣса веселый и особенно въ этотъ день добрый. Дома онъ самъ плелъ плетни, изъ плетней сооружалъ клѣти и закуты, самъ лѣтомъ ихъ обмазывалъ. А въ осеннюю пору помогалъ жеребиться кобыламъ, ягниться овцамъ. Прихожане только дивились: какъ это батюшка вездѣ успѣваетъ. Иногда даже опытные мужики приходили къ нему за хозяйственными совѣтами.

— Какъ, батюшка, вотъ то-тэ и это-то?

— Да вотъ такъ-то и такъ-то.

— Стало-быть, вотъ этакъ?

— Такъ, такъ!

Посмѣиваясь, исполняли его совѣтъ, и всегда выходило правильно.

— Мужикій батька!—восторгались они.

Однако, эта жизнь, исполненная заботъ хозяйственныхъ, не мѣшала ему быть и образцовымъ священникомъ. Всѣ дѣла приход-

скія исправлялъ онъ исправно, и всегда такъ, какъ подсказывала ему совѣсть. Онъ дѣлалъ все, что почиталъ долгомъ своимъ: поучалъ, увѣщевалъ, совѣтовалъ, внося и въ совѣты и увѣщанія свои добродушную хозяйственную смѣтку, что чрезвычайно нравилось мужикамъ. За долгую жизнь въ селѣ онъ такъ сжился съ мужиками, что и самъ былъ какъ-бы первымъ изъ мужиковъ. Не чинился, ходилъ къ нимъ въ гости, случалось—бражничалъ, но никогда при этомъ не упускалъ случая дать какой-нибудь полезный совѣтъ и оказать свое «отеческое», какъ онъ говорилъ, вліяніе.

Придетъ, бывало, къ мужику.

— Здравствуй, Кириллыч!

— Здравствуй, батюшка.

— Принимай, въ гости пришелъ.

— Ми-лоти про-о-симъ!

— А угощать чѣмъ будешь?

— Чайкомъ-сахаркомъ да доброй бесѣдой. Самоварчикъ баба живо наставитъ, того-сего изъ печи достанетъ. Ну, и... конечно-што...

Мужикъ смѣялся:

— Молочка!

— Это которое наскрозь-то видать?

— Оно, батюшка.

— Вижу, вижу: знаешь обычай. И не откажусь. Притомился какъ-быдто. И съ чего, братанъ ты мой? Недѣлку попахалъ, а въ лѣвой пяткѣ ломота. Ста-ры кости...

— Шутишь, батюшка... всѣмъ-бы такимъ старикамъ-то быть.

— Аль, думаешь, мнѣ износу нѣтъ?

Такъ, перешучиваясь съ хозяиномъ, шель батюшка въ избу, снималъ стѣснявшій его подрясникъ и бросалъ его куда-нибудь въ уголь на лавку, какъ мужики бросаютъ зипуны. Вся изба такъ и расцвѣтала улыбкой отъ его прихода. Баба весело гремѣла самоваромъ, суетливо собирала на столъ, звонкимъ смѣхомъ отзывалась на батюшкины шутки; ребятишки жались къ нему, какъ къ доброму великану, всегда имѣющему про запасъ для нихъ милое словцо, а то и леденецъ въ карманѣ. Даже старая старуха свѣшивала съ печи сухія, черныя ноги и принималась говорить о близкой смерти, но говорила о ней такъ, словно собиралась на свадьбу ѣхать. Когда появлялся на столѣ кипящій самоваръ, батюшка, потирая руки, говорилъ:

— Люблю, люблю сію китайскую музыку!

Хитро подмигивалъ мужику:

— Кабы да въ теплой-бы компаніи...

Но ужъ батюшкинъ обычай знали, и къ мужику спѣшно собирались его пріятели. Изба наполнялась бородатыми людьми. Всѣ лавки заняты, люди распоясаны, потны, веселы, шумливы; дуютъ на блюдечки, хрустятъ сахаромъ, ведутъ рѣчи о всѣхъ заботахъ, о всѣхъ новостяхъ дня и года. Не забываютъ отъ времени до времени и протянуть къ батюшкѣ волосатую руку съ блестящимъ стаканчикомъ, но это только усиливаетъ веселое и добродушное настроеніе.

Батюшка, широко улыбаясь, ладонью отираетъ усы.

— Живи-живи да не ухни!—говоритъ онъ, принимая протянутую рюмку,—воистину, не въ винѣ, други мои, скорбь, но въ сердца нашего порочности. Что исходитъ изъ сердца? Ненависть, свара, вражда, жестокость, себялюбіе, къ дѣлу Господню нерадѣніе... блудъ и пьянство. Сердцу-же доброму вино не повредитъ, ибо мѣру свою оно знаетъ

и блюдетъ, дабы добрая веселость не перешла въ безумныхъ усть готаніе. Потому-то и Христось благословлялъ вино на бракъ въ Канѣ. Не въ пищѣ вредъ,—въ объядѣніи, не въ винѣ грѣхъ,—въ опьянѣніи.

Онъ выпиваль и добродушно смѣялся:

— Такъ-то, свѣтики!

Подмигиваль кому-нибудь, рыжему и скуластому:

— Андрю-ха-а...

— Что, батюшка?

— Зашибаешь?

Рыжій брался за бороду:

— Случается...

— И перешибаешь?

Рыжій смущенно ухмылялся и опускаль глаза:

— Всяко бываетъ...

Батюшка весело грозиль ему:

— Не годится дѣло, свѣтикъ, не годится. Какъ пастырь, говорю... и другъ! Добра желаючи. Вотъ такъ, въ компаніи... для духа веселости, и во славу Божию... можно! Въ мѣру прочихъ, безъ превышенія... А вѣдь иной... самъ знаешь, перешибеть, такъ... звѣремъ становится, себя не помнитъ. Бѣсъ-то и тутъ, чтобы повредить. Того только и ждетъ. Много вреда дѣлаеть и въ семьѣ, и въ хозяйствѣ.

Онъ неопредѣленно посмѣивался:

— Правда?

— У насъ въ Андрюхѣ-то семь бѣсовъ, а не одинъ,—смѣялся какой-нибудь неопытный,—намеднись надъ женой каку расправу учиниль...

— А ты кто, судія?—немедленно со строгостию обрываль батюшка.

И помолчавъ, начиналь посмѣиваться.

— Охъ, какъ мы легко въ чужи-те глаза засматриваемъ, да всѣ сучки тамъ примѣчаемъ! А въ своемъ-то, бревнушко-то, видимъ? То-то мнѣ не въ домекъ, старики все спрашиваютъ: кто, молъ, это у бабъ больно любить фартуки щупать? Не знашь-ли ты, Лаврентій?

Старики смѣялись, покачивая головами, а неопытный Лаврентій отворачивался и дѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Но батюшка все не оставляль его.

— Не осуждай,—говориль онъ,—никогда не осуждай, но совѣтъ дай. По милому, по душевному совѣтъ дай. Подойди вотъ такъ къ нему да въ поясъ поклонись...

Батюшка, какъ-бы въ поясненіе своихъ словъ, вставаль и дѣлалъ поясной поклонъ рыжему.

— Не бей, миленькій, жену, не бей, Христа-ради, и даже не ссорься съ нею... грѣхъ это!

Рыжій не зналь, куда дѣвать глаза.

— Да, вѣдь, я-жъ... батюшка...

— Къ примѣру, къ примѣру, Андрюша, говоримъ,—тихонько хлопаль его по плечу батюшка,—я даже такимъ словамъ и вѣры не даю! Какой-же лиходѣй свою жену будетъ забижать? Не вѣрю, не вѣрю. Мало што болтають! Вонъ, говорятъ, Елисей скотину чѣмъ ни попадя хлещеть...

Старый Елисей отъ неожиданности багровѣль и поднималь руки съ дрожащими пальцами.

— Батюшка... да, вѣдь, оно... ежели... когда и...

— Не повѣрю! Никогда не повѣрю!—какъ-бы отодвигаль батюшка такія обвиненія ладонями вытянутыхъ рукъ. Скотину бить? Развѣ это можно! Кто кормить-то насъ, кто труды-то съ нами несеть... хлестать?! Она-жъ такая тварь Божія, какъ и мы... она-жъ страдаетъ! Она-жъ Богу жалуется! Она-жъ черезъ это на работу силъ лишается! Это все едино, кабы я въ лѣсъ поѣхалъ да зачалъ съ деревьевъ сучья обрубать за то, что они отъ вѣтра качаются... либо рожъ началъ топтать, что молъ плохо растеть. Нѣтъ, не вѣрю... зря болтають. Не такой Елисей старикъ. Хор-рошій онъ старикъ! Станеть онъ скотину бить... такъ я и повѣрилъ!

Онъ посмѣивался Елисею

— Правда?

Тотъ только облизываль губы, точно ихъ кислымъ мазнули.

А батюшка опять обращался къ рыжему:

— А ужъ о женѣ что и сказать? Съ женой объ руку пойдешь на судъ Господень. А она бита! Въ синякахъ! Что Господь-то скажетъ? Всѣ святыя засмѣють!... Нѣтъ, никогда такой болтовнѣ не повѣрю!

Онъ бралъ рюмку.

— Давайте-ка, други мои милые, выпьемъ еще по единой для души веселія... да и оставимъ... буде... чайкомъ побалуемся. Савельевна! Наливай-ка зельица китайскаго, угощай гостей веселѣе, чтобъ головъ не вѣшали!

Смущеніе быстро проходило, и ужъ опять разгорался веселый и жаркій разговоръ. Но невольнo онъ вращался вокругъ затронутыхъ темъ. Припоминали мужики разныя поучительныя исторіи, а о. Андроникъ говорилъ:

— Вотъ я вамъ, дѣтки, изъ книги съятыхъ писаній повѣсть расскажу...

И текла мирная бесѣда...

...Медленно, почти незамѣтно, но неуклонно годъ за годомъ измѣнялось при о. Андроникѣ село: уходило въ область преданій безпробудное пьянство, даже былъ закрытъ приговоромъ питейный домъ, смягчались нравы. Люди стыдились даже кричать на скотину, не только бить. И ужъ такъ это вкоренилось, что драчунъ не показывайся и на улицу,—засмѣють. Нигдѣ не слышно было матернаго слова. Даже на базарахъ—мѣстахъ свободнаго разгула—зимогорцы отличались степеннымъ видомъ своимъ, опрятностью въ одеждѣ и любовью къ мирной бесѣдѣ о вещахъ «душевныхъ».

Въ шестьдесятъ лѣтъ о. Андроникъ, напоминавшій льва крупными чертами лица своего и гривой сѣдыхъ волосъ, могъ-бы съ нѣкоторой гордостью сказать о себѣ, что онъ не даромъ прожилъ жизнь, не даромъ потрудился и уничтожилъ много вреднаго и злого среди прихожанъ. А церковная школа, одна изъ лучшихъ въ епархіи, построенная имъ почти трудами собственныхъ рукъ, имъ всхоленная и взращенная, какъ дѣтище, во многомъ довершила его дѣло, и въ то же время донесла славу его даже до владычныхъ покоевъ. Но о. Андроникъ, въ естественной скромности своей, считаль дѣятельность свою самую обыкновенную, просто свойственную всякому священнику. И почестей не любилъ. Много разъ предлагали ему благочиніе, онъ отказывался:

— Со всѣми я въ мирѣ, а тогда вражда пойдетъ... на всѣхъ не угодишь, вѣдь!

Такъ онъ отвѣтилъ и самому владыкѣ, причемъ вспоминаль объ этомъ случаѣ всегда съ особымъ веселіемъ:

— Здорово я влопался тогда!

Дѣло въ томъ, что владыка пріѣхаль въ Зимогоры неожиданно. Онъ проѣзжалъ трактомъ на ямскихъ по дѣламъ въ сосѣдній городъ и, будучи въ епархіи недавно, нарочито приказаль свернуть въ село, наслышавшись отъ благочиннаго о зимогорскомъ священникѣ.

Быль вечеръ.

Карета подкатила къ крыльцу поповскаго дома, изъ нея твердой поступью вышелъ высокій, сѣдой старикъ, съ хмурымъ лицомъ и острымъ взглядомъ. Благочинный и протодьяконъ, его неизмѣнные спутники, быстро подскочили, чтобы почтительно поддержать его подъ руки.

Но онъ отстранилъ ихъ.

— Скорѣй зовите его сюда, — сказалъ онъ съ властной сухостью, — посмотрю, поговорю и дальше поѣду.

И твердо прошелъ по крыльцу къ двери.

Протодьяконъ метнулся къ калиткѣ, чтобы посмотрѣть, не на дворѣ-ли батюшка, а благочинный принялся стучать въ дверь. Но калитка оказалась запертой, дверь не отворяли. Въ домѣ никого не было, батюшка чистилъ на заднемъ дворѣ навозъ съ работникомъ, а матушка не вернулась еще съ огорода. Наконецъ, дверь отворилась, и босоногая дѣвчонка высунула изъ нея острое лицо.

— Кого надобно?

— Гдѣ батюшка?

— Навозъ чистить.

— Зови его скорѣй: владыка пріѣхаль!

Дѣвчонка всплеснула руками и помчалась, какъ сумасшедшая. Владыка быстрой поступью прошелъ въ залу. Въ залѣ было по-крестьянски просто. Дюмотканые половички дорожками тянулись по бѣлому полу, у стѣнъ приткнулись столы, покрытые холстинками, синими и красными, неуклюжіе стулья съ волостного базара дополняли меблировку. Единственнымъ украшеніемъ этой обширной комнаты были портреты многочисленныхъ владыкъ на стѣнахъ, въ темныхъ рамахъ, — всѣ тѣ, при которыхъ служилъ о. Андроникъ. Да еще на видномъ мѣстѣ — ставленническая грамота. Впрочемъ, усмотрѣлъ зоркій взглядъ владыки еще гитару, скромно поставленную въ уголокъ за некрашенный посудный шкафъ.

Владыка сѣлъ, не сгибая спины, на стулъ, напоминая въ этомъ положеніи монаха въ церкви.

— Поторопите! — рѣзко сказалъ онъ.

И, перебирая четки, сталъ смотрѣть въ уголокъ на гитару.

Благочинный поспѣшно вышелъ въ сосѣдную комнату, натолкнулся тамъ въ темнотѣ на столъ посрединѣ, услыхаль гдѣ-то поблизости шопотъ и пошелъ на него. Проникъ еще въ одну дверь и различилъ въ тускломъ свѣтѣ окна двѣ громоздкія фигуры, что-то перебиравшія.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ.

— Да мы, — отозвался знакомый голосъ протодьякона.

— А о. Андроникъ!?

— Да вотъ онъ!

И благочинному показалось, что протодьяконъ захлебывается отъ смѣха.

— Что-жъ вы, о. Андроникъ! — заспѣшилъ благочинный, — вѣдь, ждетъ владыка!

О. Андроникъ шумно шепталъ въ темнотѣ:
— Пропаль... будь онъ неладенъ.
— Да что такое?
— Никакъ не могу подрясника найти!
Благочинный взволновался:
— А владыка ждетъ! Да гдѣ вы его снимали?
— Песь его знаетъ! Съ утра снялъ, позабылъ.
— Одинъ онъ у васъ, что-ли?
— Есть... да въ шкапу, а шкапъ-то запертъ, какъ на грѣхъ. И
чего попадья на старости лѣтъ запереть вздумала?..

Благочинный тоже принялся шарить.
Онъ нащупалъ что-то тонкое и длинное, съ широкими рукавами,
подумалъ, что это ряса, и, растопыривъ ее въ рукахъ, предложилъ о.
Андронику надѣтъ хоть рясу вмѣсто пропавшаго подрясника. О. Ан-
дроникъ про себя удивился: откуда тутъ взялась ряса, но поспѣшно
полѣзъ въ нее, затѣмъ направился къ залѣ, на ходу оправляясь.

И въ недоумѣніи остановился:
— Чего-то ряса-то тонкая, не моя словно, да и воротъ не найду.
Посвѣтили-бы хоть.

Протодьяконъ зажегъ спичку.
И всѣ трое духовныхъ присѣли отъ хохота: на батюшкѣ комично
болтался матушкинъ домашній капотъ съ красными цвѣтами по жел-
тому полю. Нѣкоторое время духовные молчаливо сгибались, поджи-
мая животы, въ беззвучномъ смѣхѣ. Но въ залѣ послышалось нетер-
пѣливое покашливаніе владыки, и благочинный поспѣшно принялся
стягивать съ о. Андроника капотъ, сердито шепча:

— Валяйте въ рубашкѣ... на мою голову!

О. Андроникъ хотѣлъ что-то возражать, но благочинный и
протодьяконъ начали подталкивать его.

И вытолкнули въ залу.

Владыка съ строгимъ недоумѣніемъ воззрился на громаднаго
мужика, неожиданно ввалившагося въ залу, отъ красной рубахи его
перевелъ взглядъ на багрово пылавшее лицо. По сѣдой львиной гривѣ
тотчасъ догадался, что передъ нимъ священникъ.

— Что это за маскарадъ?—грозно нахмурился онъ.

О. Андроникъ шумно сдѣлалъ земной поклонъ и благоговѣйно
поцѣловалъ руку владыки:

— Простите, владыко святой... не знаю, куда подрясникъ за-
дѣвалъ! А не посмѣлъ васъ задерживать...

— Развѣ вы дома всегда такъ?

— Въ работѣ иначе невозможно!

Чуть замѣтная усмѣшка прошла по лицу владыки и такъ оста-
лась.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ онъ, смѣющимися глазами осматри-
вая о. Андроника,—что вижу васъ безъ прикрасъ, какъ описывали.
Полагаю, что и апостолы при работѣ имѣли такой-же видъ. Не сму-
щайтесь.

И онъ быстро, твердо, точно сталъ задавать вопросы, желая
знать все о жизни прихода и священника. О. Андроникъ уже оправился
отъ смущенія и отвѣчалъ обстоятельно. Видя, что гроза миновала,
въ залѣ безшумно проникли благочинный съ протодьякономъ и почти-
тельно стояли въ отдаленіи: благочинный, съ лицомъ, ничего не выра-
жающимъ, кромѣ вниманія къ словамъ владыки, протодьяконъ-же—

багровый и испуганный желаніемъ прыснуть со смѣху при необычайномъ видѣ священника въ красной рубахѣ и рыжихъ, пропахшихъ навозомъ сапогахъ.

— Хорошю еще—не въ лаптяхъ.

И протодьяконъ набиралъ побольше воздуха въ грудь, чтобы затушить смѣхъ, отчего получалъ видъ утопленника.

— И не желали-бы на лучшій приходъ?—спрашивалъ владыка.

— Нѣтъ,—твердо отвѣчалъ о. Андроникъ,—прежде это имѣло смыслъ, да и то не уходилъ, упрасивали прихожане. Теперь-же... жизнь прожита, дѣти выращены. Здѣсь цѣлое поколѣніе взросло на моихъ глазахъ, всѣхъ по именамъ знаю. Какъ уйду? Зачѣмъ? Не могъ-бы. Да и хозяйство... Въ другомъ мѣстѣ зачинать его—силъ не хватитъ, а безъ него я не могу...

Владыка слушалъ, перебирая четки, и все смотрѣлъ въ уголь на гитару.

Вдругъ онъ вытянулъ свою сухую руку.

— Это вы играете?

О. Андроникъ оглянулся.

— Нѣтъ,—разсмѣялся онъ.

— А умѣете?

— И не умѣю... это дочь играетъ.

Улыбка прошла по лицу владыки.

— Значить, не все-же вы умѣете...

Онъ всталъ.

Тотчасъ благочинный съ протодьякономъ метнулись поддержать его подъ руки.

Онъ отстранилъ ихъ.

Зорко взглянулъ въ лицо о. Андроника.

— Желая видѣть васъ благочиннымъ!

— Это мнѣ уже не разъ предлагали, преосвященнѣйшій владыка.

— Знаю.

О. Андроникъ почтительно склонился.

— Благодарю за предложенную честь, но, какъ и прежде... отказываюсь.

Владыка нахмурился, вспыхнулъ и спросилъ уже рѣзко:

— Почему?!

— Всякое хозяйство требуетъ мѣры силъ...

— Вы—хорошій хозяинъ.

— Въ мѣру силъ. Сверхъ-же силъ—все изъ рукъ повалится.

— Ошибки будутъ—прошу!

— Но я себѣ не прошу, владыко!—съ сдержанной твердостью и какъ-бы даже повысивъ тонъ, отвѣчалъ о. Андроникъ,—потому что всегда буду сознавать, что взялся сверхъ мѣры силъ!

И онъ добавилъ тише, какъ-бы спохватившись:

— Къ тому-же не терплю вражды, съ такимъ отвѣтственнымъ дѣломъ невольно сопряженной, и не выношу наказаній даже для зло провинившихся...

Онъ смущенно пошутить, чувствуя, что владыка недоволенъ.

— Я вамъ хлопотъ надѣлаю!

Владыка еще больше нахмурился.

Онъ рѣзко повернулся и пошелъ къ выходу. Благочинный съ протодьякономъ кинулись впередъ, распахнули двери. Въ дверяхъ

владыка остановился, еще раз окинул священника смѣющимся взглядомъ.

— Должно-быть, боитесь на благочиннической сѣздъ безъ подрясника пріѣхать?

Послѣ такой милостивой шутки, какъ-бы позволившей благочинному и протодьякону задрожать отъ сдержаннаго смѣха, владыка рѣзко и широко благословилъ о. Андроника:

— Да благословитъ васъ Господь Богъ и въ дальнѣйшемъ на твердое исполненіе долга своего!

Сѣлъ въ карету и уѣхалъ...

Черезъ мѣсяцъ о. Андроникъ получилъ изъ епархii похвальный отзывъ епископа, съ золотымъ тисненьемъ, «за твердое исполненіе долга своего и добрыхъ нравовъ утверженіе».

...При всемъ томъ, былъ въ Зимогорахъ одинъ вредный обычай, котораго о. Андроникъ никакъ не могъ искоренить, несмотря на всѣ мѣры. Обычай этотъ былъ происхожденія древняго и заключался въ томъ, что зимогорцы ходили войной на каратаевцевъ.

Каратаево, старинное село, лежало верстахъ въ двѣнадцати отъ Зимогоръ, за рѣчкой Каратаевкой, служившей границею владѣній этихъ двухъ сель. Не запомнятъ и древніе старики, когда это повелось, но разъ въ годъ, на зимняго Николу, зимогорцы съ утра готовились, а послѣ обѣденъ валомъ валили на широкую поляну, раздѣленную рѣкой.

За рѣкой уже ждали каратаевцы.

Начиналась смѣшливая перебранка, звучали въ воздухѣ оскорбительныя и острые слова, задѣвавшія честь общины и сопровождаемая хохотомъ, угрозами и обидными тѣлодвиженьями.

— Ла-а-пти золотили!—вопили каратаевцы.

А зимогорцы отвѣчали имъ:

— Блоху-у цѣловали!!

Фантастическія обвиненія эти имѣли въ основаніи своемъ какіе-нибудь факты, въ древніе годы происшедшіе. Дѣйствительное значеніе этихъ фактовъ уже и полузабылось, насмѣшка-же почиталась весьма язвительною.

Страсти разгорались.

Зимогорцы все ближе подвигались къ каратаевцамъ, каратаевцы наступали. И вотъ на рѣкѣ начиналась междоусобная брань. Обычай выработалъ правила честнаго боя: оружія никакого, битва только кулаками и въ рукопашную, лежачаго не бьютъ. За соблюденіемъ правилъ слѣдили особые старосты и за нарушеніе ихъ падалъ позоръ на все село.

Военное счастье измѣнчиво.

Въ одну зиму зимогорцы прогоняли за рѣку каратаевцевъ, въ другую—каратаевцы «вышибали» за рѣку зимогорцевъ. Тогда въ станѣ побѣдителей начиналось безпросыпное ликованіе, продолжавшееся не менѣе недѣли, а похвальбы хватало на цѣлый годъ. Побѣжденное же село притихало и залечивало раны: смертоубійствомъ бои эти кончались рѣдко, но членовредительства было достаточно. Даже такой почтенный и видомъ важный человекъ, какъ староста зимогорской церкви Карантасовъ, былъ кривъ на одинъ глазъ отъ лѣтъ пылкой юности, и его единственнымъ утѣшеніемъ было то, что и староста каратаевской церкви носилъ слѣды карантасовской руки.

— Ухо въ тряпку обратилъ!

Въ теченіе долгихъ лѣтъ своей службы о. Андроникъ увѣщеваль и уговариваль своихъ прихожанъ оставить вредный обычай, но зимогорцы молча выслушивали убѣдительныя рѣчи священника, а на зимняго Николу валомъ валили на войну.

— Не намъ-же уступать!—резонно говорили они между собой. Такъ это и переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Наконецъ, однажды случилось несчастье, приведшее о. Андроника въ священную ярость. Явились зимогорцы съ поля брани побитые и унылые: среди густой толпы несли они трупъ безвременно погибшаго борца, еще почти безусаго юноши. По всему селу поднялись плачь и вопли. Прибѣжалъ о. Андроникъ и кричалъ на мужиковъ въ гнѣвъ.

— Злодѣи, злодѣи! Доколѣ вы будете злодѣйствовать!

Онъ устроилъ торжественныя похороны, приказаль быть на нихъ всему селу. Сначала гнѣвно укоряль прихожанъ, потомъ еще долго, и въ бесѣдахъ и въ проповѣдяхъ, вызываль передъ ними призракъ погибшаго, умоляль ихъ оставить дикій обычай.

Мужики смущались отъ словъ священника, но возражали:

— Какъ же имъ, блошникамъ, такое дѣло простить?

— Это безпремѣнно кто-нибудь изъ нихъ гирьку въ рукѣ зажалъ.

— Да и не оставаться же намъ побитыми.

— Вся округа засмѣеть...

— Сра-а-мъ-отъ!

А потомъ ужъ они только отмалчивались.

...Прошелъ годъ.

Наканунѣ Николина дня о. Андроникъ призваль къ себѣ церковнаго старосту и нѣкоторыхъ почтенныхъ прихожанъ, чтобы выяснить настроеніе.

Всѣ въ одинъ голосъ сказали:

— Не остановить.

— Будетъ бой, значить?

— Безпремѣнно! Все село на бызахъ. Отомстить хотятъ. А ежели расшибутъ каратаевцевъ, тогда всѣ твои рѣчи, батюшка, по иному примутъ.

— Такъ?

— Такъ, батюшка.

— А вы? Стало-быть, такъ же думаете?

Всѣ промолчали, а староста сказала:

— Миръ—одинъ человѣкъ...

И они ушли, оставивши батюшку въ задумчивости.

На утро, послѣ обѣдни, когда народъ валомъ повалиль къ рѣкѣ, съ криками и угрозами, батюшка не отпустиль отъ себя старосту, приказаль заложить лошадь и, одѣвши мохнатую шапку и длинный нагольный тулупъ, замѣнявшій ему зимнюю рясу, отправилъ со старостой вслѣдъ за прихожанами. Бой былъ въ разгарѣ, когда легкія пошевни примчались къ рѣкѣ. Батюшка поспѣшно выскочилъ и бѣгущимъ шагомъ направилъ къ мѣсту брани. Онъ протиснулся между дерущихся, рискуя получить свою порцію, и громкимъ голосомъ кричалъ:

— Остановитесь! Остановитесь!!

Произошло замѣшательство.

Потомъ стороны разступились и съ недоумѣніемъ смотрѣли на высокаго человѣка, гнѣвно махавшаго рукой.

— Друзья! Милые друзья!—взываетъ человѣкъ,—выслушайте меня. Я—священникъ... я хочу сказать вамъ слово правды!

Тутъ отецъ Андроникъ повелъ длинную, убѣдительную рѣчь. Наступила тишина, только гудѣлъ голосъ священника надъ рѣкой. Онъ говорилъ, что вражда, такъ долго раздѣлявшая села, вещь нехорошая, что вражды и безъ того довольно въ мірѣ, чтобы увеличивать ее по пустякамъ на радость врагу рода человѣческаго.

— На Николинъ-то день, изъ года въ годъ, не Сатанѣ-ли праздникъ справляете? Вспомните изувѣченныхъ своихъ, вспомните погибшаго юношу, жертвой павшаго вражды вашей безмысленной...

Онъ самъ возбуждался отъ своихъ словъ.

Ужъ ему казалось, что горячая рѣчь его производитъ должное вліяніе, и сталъ впадать въ патетическій и даже умиленный тонъ...

— Друзья... дорогіе, милые друзья мои!

Какъ вдругъ притихшій было шумокъ среди каратаевцевъ снова увеличился, разросся, перешелъ въ бурю насмѣшливыхъ голосовъ:

— Они попа выставили!

— Испугались золотыя лапти...

— Тру-у-усы!!

— Прошлый годъ биты были, такъ и забоялись...

— Ха-хха-хха!

— Попомъ прикрылись!

Они подступали:

— Миру, что-ли, просите!?

— Ага-а... пардону?

— Такъ на колѣни становитесь!

Зимогорцы подняли шумъ:

— Батюшка, батюшка, уйди!—тянули они его за рукава и за полы тулупа, —уйди, не вступайся! Ништо можно... слышишь, какъ срамять!!

— Что? Срамять?!

Лице о. Андроника вспыхнуло, побагровѣло.

— Срамять... а я уйди!?

Голосъ его загремѣлъ надъ рѣкой, какъ рыканіе льва.

— Такъ вы такъ-то! Вы дѣтей моихъ срамить, нечестивцы?!

Онъ рѣзкимъ жестомъ бойца сбросилъ тулупъ на руки старосты, сбиль шапку на затылокъ.

— За мной, ребята!!

Бросился впередъ.

Точно черныя муравьи столкнулись на бѣлизнѣ рѣки. О. Андроникъ работалъ, какъ Голиафъ. Казалось, онъ горстями хватаетъ враговъ и разбрасываетъ ихъ по снѣгу. Съ такимъ предводителемъ можно было города брать. Каратаевцы вмигъ были смяты и разбиты на-голову. Съ побѣднымъ крикомъ прогнали ихъ зимогорцы за рѣку...

И тутъ, по обычаю, хотѣли остановиться, чтобы предаться торжеству.

Но о. Андроникъ вопилъ въ боевой ярости:

— Что встали!

Звалъ ихъ взмахами рукъ, какъ духъ войны:

— Добивай ихъ!

Мчалъ впередъ.

— Ур-ра-а-а-а!!

Каратаевцы утекали, какъ зайцы.

Зимогорцы ввалились въ Каратаево.

Творилось невообразимое: на улицахъ тѣснота, давка, послѣдніе эпизоды боя... выли и визжали напуганныя собаки, кричали женщины. О. Андроникъ, подобно Мамаю-опустошителю, прошелъ съ своимъ полчищемъ черезъ все село, повсюду сѣя страхъ и ужасъ, и не остановился, пока не достигъ церковной площади.

Тутъ онъ крикнулъ старостѣ:

— Бѣги за попомъ!

Самъ-же единымъ духомъ взобрался на колокольню и принялся бить въ набатъ. Когда приближалъ запыхавшійся и испуганный о. Яковъ, хорошій знакомый о. Андроника, тотъ крикнулъ ему:

— Что плохо за приходомъ-то смотришь! Облачайся скорѣй да выходи съ крестомъ!

Самъ-же выступилъ на церковное крыльцо.

Собралось все Каратаево, мужское и женское, цѣлое и побитое. Оно стояло по одну сторону площади. По другую-же встали побѣдители. И всѣ ждали съ одинаковымъ недоумѣніемъ: что же такое произойдетъ? Когда вышелъ и о. Яковъ въ облаченіи, съ крестомъ, и всталъ возлѣ о. Андроника, не зная, что тотъ ему велитъ дѣлать, о. Андроникъ строго и властно приказалъ, обращаясь къ каратаевцамъ:

— Подайте мнѣ сюда самаго стараго старика!

Въ толпѣ заспѣшили:

— Кто самый старый?

— Вуколу девяносто...

— Гдѣ Вуколь-то... здѣсь, што-ли?

Сѣдого, горбатаго отъ лѣтъ дѣда выталкивали изъ толпы, онъ подошелъ къ крыльцу, прихрамывая и крестясь, среди могильной тишины.

— Дѣдушка!—крикнулъ ему о. Андроникъ.

— Што, кормилецъ?

— Расскажи-ка мнѣ, за что это насъ, зимогорцевъ, дразнятъ: лапти золотили?

Дѣдъ не то засмѣялся, не то закашлялъ:

— Сказываютъ: въ древни годы... были, слышь, какіе-то передѣлы. По плану. Приѣхали барини землю мѣрить. Зимогорцы и думаютъ: какъ бы не обмѣрили. Одному барину и захотѣлось, сказываютъ, новеньки лапти получить,—зимогорцы-то тогда лаптями славились. Ну, слышь, поднесли ему лапти Зимогоры-то, а въ лапти, вишь ты, и насыпали золотыхъ монетъ. А барини-то, слышь...

Дѣдъ затрясся отъ смѣха:

— Все одно ихъ обмѣрили!

Онъ задохнулся и покашлялъ:

— Вотъ съ тѣхъ поръ, дескать, и пошло прозваніе...

Онъ dokonчилъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— Лапти золотили!

Наступило молчаніе.

— Только и всего?

— Стало быть, только...

— Встань сбоку!—приказалъ о. Андроникъ.

Затѣмъ онъ обратился къ зимогорскому старостѣ:

— Карантасовъ, поди-ка сюда. Встань-ка здѣсь. Расскажи-ка, почему это вы каратаевцевъ дразните—блоху цѣловали?

Карантасовъ заговорилъ на всю площадь:

— Сказываютъ: когда еще шинки были... шинкарка у нихъ проживала... ве-е-селяя женщина. Все село за ней бѣгало. Чистая бѣда, сказываютъ. Потомъ ужъ женщины настояли, чтобы шинокъ тотъ закрыли и ее выслали... разорила. А была фамелія той шинкарки: Блоха!

Староста засмѣялся.

— Вотъ съ тѣхъ поръ и пошло: блоху цѣловали!

— Только и всего?

— А чего-же еще?

О. Андроникъ воздѣлъ руки.

— И изъ-за этого-то вы, озорники,—загремѣлъ онъ,—дрались цѣлыми поколѣньями? Другъ друга калѣчили? Убивали! Принудили даже меня, священника и пастыря, въ бой вступить, яко Сампсонъ древлѣ! Какъ у васъ стыдомъ глаза не застило? Да нѣтъ... я и словъ на васъ тратить не хочу! Я васъ Христомъ помирю! Если-же вы и Христа не слушаете... да будетъ вамъ, яко... язычникамъ!!

Онъ повернулся къ старостѣ и дѣду:

— Цѣлуйте крестъ.

Тѣ поцѣловали.

— Обнимитесь!

Тѣ посмотрѣли другъ на друга, замялись.

Молча обнялись.

Тогда о. Андроникъ сталъ, мановеніемъ пальца, вызывать по одному изъ толпы зимогорцевъ и каратаевцевъ, заставляя ихъ цѣловать крестъ и обниматься, пока не смѣшались обѣ толпы.

...Съ тѣхъ поръ водворился вѣчный миръ между селами...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Любовь.

Я подойду къ тебѣ съ такой невыразимой,
Самозабвенною и чистой теплотой—
Что безсознательнымъ волненіемъ томимый
Ты отзовешься мнѣ улыбкой и слезой...

Такія ласковыя, солнечныя нити
Къ твоей замкнувшейся душѣ я протяну,
Что ты когда-нибудь одной моей защитѣ
Ея печальную довѣришь глубину...

Такими бѣлыми, душистыми цвѣтами
Твои суровые украшу я пути,
Что сердце, юными обманутое снами,
Начнетъ по-прежнему лучиться и цвѣсти...

Такимъ признательнымъ я встрѣчу поклоненіемъ
Все то, что творчествомъ даровано твоимъ—
Что остановишься ты съ нѣжнымъ удивленіемъ
И тихо вымолвишь: „я понять и любить!“.

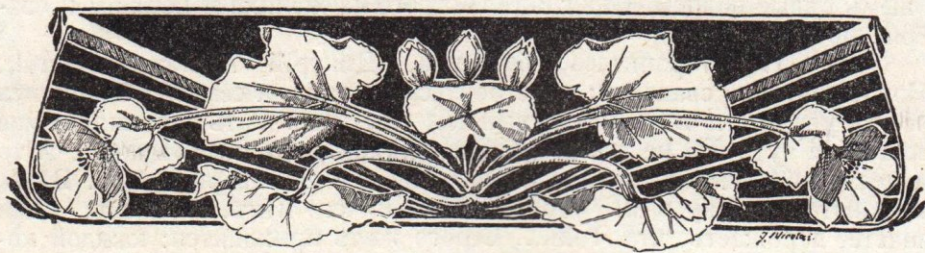
Зоя Бухарова.

Коркозь.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО.

Ч е х л ы .

Разсказъ Н. Милля (Полярнаго).

I.

Еще третьекурсникомъ познакомился Прозоровъ съ Анютой Бочаговой. Ему понравилась эта веселая здоровая блондинка съ сѣрыми глазами, свѣжимъ лицомъ, со слегка вздернутымъ носомъ и алыми губами.

Съ радостью глядѣлъ онъ на довольную улыбку Анюты и думалъ: «Милая дѣвушка, славная! Настоящая женщина выйдетъ изъ нея—плотная и непосредственная, хорошая жена и мать. Прелесть».

А когда Прозоровъ сдавалъ государственные экзамены и уставалъ отъ зубрежки, онъ ободрялъ себя:

«Потерпи, Митя, потерпи, дорогой!.. Еще усиліе—и дипломъ въ рукахъ. А тамъ и своимъ домкомъ заживешь».

И всегда, когда Прозоровъ представлялъ будущую жену—выплывало свѣжее лицо Анюты Бочаговой съ неизмѣнной довольной улыбкой, родное, земное.

Прозоровъ вздыхалъ съ облегченіемъ, улыбался и сладко засыпалъ.

Онъ сдѣлалъ Анютѣ предложеніе. Анюта выслушала признаніе въ любви съ той же улыбкой, протянула Прозорову руку и просто сказала:

— Да, да, Дмитрій, я согласна. Я давно знаю, что ты меня любишь, и я тебя тоже цѣню... равнодушна къ тебѣ.

Прозоровъ даже не ожидалъ такого быстрого согласія и искренно обрадовался.

Свадьбу пришлось отложить: окончивъ университетъ, Прозоровъ записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго, а практика сразу не налаживалась.

Хотѣлось ввести жену въ «свое гнѣздо», а средствъ не было: приходилось поработать, побѣгать по судамъ, присмотрѣться къ дѣлу, развить кліентуру. Приходилось ждать.

Почти каждый день бывалъ онъ у Бочаговыхъ, въ ихъ небольшомъ домикѣ на окраинѣ, просиживалъ тамъ вечера: строили планы будущей семейной жизни. Часто онъ нѣжно гладилъ Анюту по рукѣ, глядѣлъ на нее восторженно и шепталъ:

— Моя милая будущая женушка, Нюрочка моя!..

Изрѣдка и цѣловались.

Пили чай въ помѣстительной столовой со стариннымъ буфетомъ и большимъ дубовымъ столомъ. Разливала чай мать Анюты, старушка съ иконописнымъ восковымъ лицомъ, въ темномъ платочкѣ, обрамля-

вшемъ сѣдые волосы. Она глядѣла строго на жениха и невѣсту и озбоченно говорила:

— Не торопитесь, батюшка, Дмитрій Александровичъ!.. Повремените со свадьбой: пристройтесь сначала, а семьей обзавестись всегда успеете... Вотъ мой муженекъ, охъ, какъ жить торопился: мое состояніе чуть что не все второпяхъ прожили, да померъ онъ... А то и послѣдній домокъ, гнѣздо наше родное, и то разориль-бы!.. Вѣдь, за Анютой, скажу вамъ, oprичь домка ничего нѣтъ. А жизнь, сами знаете, дорожаетъ, что годъ... Строго жить приходится: каждой копейкѣ счетъ.

Анюта морщилась, останавливала мать, а Прозоровъ охотно соглашался со старушкой. Улыбался:

— Наше отъ насъ не уйдетъ, Варвара Петровна!.. Повременимъ. Такъ-бы и было.

Да Варвара Петровна схватила воспаленіе легкихъ, и въ двѣ недѣли ея не стало. А скоро послѣ смерти ея Анюта пріѣхала къ Прозорову, волнуясь, призналась, что боится жить въ домѣ одна, что скучаетъ безъ него; говорила, что со свадьбой теперь оттягивать нечего, что, пока онъ не выбѣется на дорогу, имъ хватить и тѣхъ денегъ, которыя оставлены матерью.

Прозоровъ пробоваль, было, возражать:

— Голубушка!.. Я вполне тебя понимаю, но, вѣдь, я пока зарабатываю гроши, меньше земскаго фельдшера или урядника. Сама посудите—мнѣ будетъ тяжело. Неловко какъ-то жить на твой счетъ... Просто глупая непривычка... Буду чувствовать себя гостемъ въ домѣ, а я привыкъ быть хозяиномъ. Погоди, моя Нюрочка, еще съ полгода!

— И слышать не хочу!..—возмутилась Анна Ивановна. И насмѣшливо протянула:—Или мы уже отльниваемъ отъ свадебки? Прозоровъ искренно переполошился:

— Что ты, Господь съ тобой! Вѣдь, я люблю тебя... Какъ не совѣстно!..

— Ну, ну, я пошутила, Митя!.. А только, право, это глупо и смѣшно. Ты будешь моимъ мужемъ, а не приживаломъ. А ужъ если на то пошло и ты такъ хочешь, расплатишься со мной потомъ, когда разовьешь практику.

Когда Анюта уѣхала, Прозоровъ долго думаль:

— «Смѣшной я, право!.. Другіе и жениться не захотятъ безъ приданого, а я ломаюсь. Интеллигентъ я, больше ничего. И, вѣдь, люблю я ее, и самъ знаю, что не изъ-за домишка, не изъ-за тысячекъ ея женюсь, а вотъ поди жъ ты!.. Эхъ, нелѣпость!.. Нѣтъ, пусть, что хотятъ, то и думаютъ, мнѣ-то что! Если на то пошло, и въ самомъ дѣлѣ возвращу Анютѣ все чистоганомъ, непременно верну».

II.

Странно было Прозорову въ домикъ на окраинѣ. Въ залѣ вдоль стѣнъ чинно разставлены вѣнскіе стулья; ломберные столы въ простѣнкахъ покрыты вязаными скатертями; на столахъ витыя красныя съ золотомъ свѣчи въ тяжелыхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, а надъ столами безвкусныя длинныя зеркала. Съ середины потолка свѣшивается огромная люстра въ чехлѣ. Въ гостиной мягкая мебель въ чехлахъ. По стѣнамъ развѣшаны потускнѣвшія олеографіи и увеличенныя портреты родителей Анны Ивановны. Въ прихожей, въ темныхъ коридорахъ—всюду большіе шкафы, прочные, неуклюжіе.

Привыкъ къ студенческимъ комнатамъ Прозоровъ и не могъ найти себѣ мѣста въ домѣ. Бурчалъ, ходя по комнатамъ: «сквознякъ какой-то, не квартира, а затхлымъ пахнетъ». Съ отвращеніемъ смотрѣлъ на обстановку.

Въ спальнѣ было еще сносно: по настоянію Прозорова купили новую мебель и разставили послѣ долгихъ обсужденій и споровъ.

Послѣ свадьбы работу пришлось на время отложить: слишкомъ отдался Дмитрій Александровичъ своему счастью, да, ко всему, и домъ на окраинѣ: ѣздить далеко, а кліента нѣтъ и нѣтъ. Раньше бывалъ случайный, но все же бывалъ; Прозоровъ самъ находилъ его, «ловилъ». А теперь совсѣмъ не стало.

Практика не налаживалась.

По цѣлымъ днямъ бродилъ Прозоровъ по дому: «какъ безвкусно и неуютно могли жить люди!.. Вѣдь, не бѣдные, зажиточные... Вотъ, вѣдь, раньше не замѣчалъ, а теперь каждая мелочь рѣжетъ глазъ».

Однажды, сидя въ гостиной, съ женой на диванѣ, онъ сказалъ, ежась и задумчиво глядя на люстру въ чехлѣ:

— Нюрочка, ты-бы приказала Дашѣ снять съ мебели чехлы. А то у гостиной такой нежилой видъ, что не сидится какъ-то... словно сейчасъ уѣзжать намъ куда-то. Холодомъ несетъ отъ этихъ чехловъ!..

Анна Ивановна въ недоумѣніи посмотрѣла на мужа и пожала плечами:

— Мебель безъ чехловъ?.. Выдумаетъ тоже!.. Она будетъ портиться... Я понимаю, въ праздники...

— Какъ хочешь.

Прозоровъ помолчалъ. И прибавилъ:

— И какъ это могутъ люди такъ жить? Все берегутъ для какого-то «праздника», для отдаленнаго лучшаго будущаго, и до самой смерти живутъ среди чехловъ...

Анна Ивановна иронически посмотрѣла на мужа и озабоченно сказала:

— Видишь-ли, Митя, тебѣ хорошо говорить, когда у тебя ничего нѣтъ и не было, кромѣ чемодана... Беречь ты не привыкъ ничего, оттого тебѣ и простыя вещи кажутся странными и смѣшными.

Прозоровъ заговорилъ, волнуясь:

— У меня ничего не было, это вѣрно, да и голова была не тѣмъ занята. А были-бы вещи, я-бы любилъ то, на что смотрѣть пріятно. Когда смотришь на хорошую вещь—просто отдыхаешь душой. Вотъ, наприимѣръ, ты дома постоянно ходишь въ выцвѣтшихъ платьяхъ, а у тебя ихъ больше дюжины и хорошихъ, прелестныхъ.

Анна Ивановна скривила губы:

— Уже на третій мѣсяць устраиваешь сцены?.. Я уже тебѣ нравлюсь только въ красивомъ платьѣ?.. Всѣ вы такіе!.. По твоему я должна все истаскать?..—Она улыбнулась:—Извини, голубчикъ, но ты мнѣ еще не купилъ ни одного платья, а упрекаешь....

— Боже мой, Нюрочка, что ты говоришь!.. Ты не хочешь понять. Я только принципиально... Ты ходи, какъ хочешь... А все же этакая бережливость, какъ-бы тебѣ это сказать,—типичное мѣщанство.

Анюта вспыхнула и вскочила съ дивана, грубо освободившись отъ руки мужа, обнимавшаго ее. Она сердилась:

— Ахъ, такъ вотъ вы куда гнет!.. Теперь я уже и мѣщанка, и пошлячка, и скупа!.. А до свадьбы не была?.. Ну, знаете, пусть я мѣщанка, а вотъ вы-то безъ меня съ голода-бы умерли.

Хлопнула дверь. Ушла.

Нѣтъ. Никакой злобы и обиды не почувствовалъ Дмитрій Александровичъ. Онъ даже жалѣлъ, сердился на себя: «принципіальными» разговорами вызвалъ дикую сцену. Но только нелѣпо—она словно на зло не хочетъ меня понять... Эхъ, нехорошо!.. Совсѣмъ неладно!..

III.

Не налаживалась жизнь, да и только.

Правда, размолвокъ Прозоровъ избѣгалъ, но онъ все-таки бывали. Пробовалъ успокаивать себя: «мелочь все это, наносное, а жизнь впереди. Дастъ Богъ, сумѣетъ со временемъ передѣлать свою Нюрку».

Но чѣмъ дальше шла жизнь, тѣмъ больше убѣждался Прозоровъ, что ему трудно, тяжело. Противно было иногда смотрѣть, какъ Анюта торговалась изъ-за каждой копейки, какъ расчетлива была, какъ мелочна, до чего любила, хотя на часъ, оттянуть уплату прачкѣ, водовозу или полотерамъ... А полгода тому назадъ что было?.. Мечталъ объ Анютѣ, какъ о единственномъ счастьѣ, какъ о яркомъ огнѣ, который освѣтитъ и согрѣетъ его жизнь.

Часто Прозоровъ хотѣлъ быть ласковѣе, податливѣе, смягчить рознь. И тутъ-то совсѣмъ неожиданно и возникали размолвки.

Разъ, вернувшись домой съ защиты, онъ засталъ жену за разборкой драгоценныхъ вещей,—въ наслѣдство остались.

Анюта сидѣла въ креслѣ. Передъ ней стоялъ кованый сундучокъ, и она, напѣвая «Чайку»,—вынимала изъ сундучка золото и серебро. Посмотритъ, снова бережно завернетъ вещь въ папиросную бумагу и уложитъ обратно въ сундукъ.

Прозоровъ подошелъ, поцѣловалъ жену въ лобъ и ласково сказалъ:

— А я и не зналъ, что у тебя такъ много красивыхъ вещицъ!

Мягко улыбнулся и сталъ любоваться стариннымъ кубкомъ чеканной работы.

— Да, все это еще отъ дѣдовъ. Посмотри, Митя, какія тутъ премильныя вещи!

Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ и кубки, и солонки, ложки, золотыя цѣпи, тяжелыя ожерелья изъ топазовъ, массивныя броши и серьги, вычурно сплетенныя изъ золота, обрызганныя рубинами... Кое-что хвалилъ, кое-что забраковалъ.

Задумчиво поглядѣлъ на кованый ларецъ и разсѣянно замѣтилъ:

— Да... Тутъ есть красивыя, тонкія вещи. Странно, что ты держишь ихъ подъ спудомъ.

— А по твоему продать скорѣе или заложить?—встрепенулась Анюта.

Дмитрій Александровичъ поморщился.

— Ну, ты всегда навязываешь мнѣ такія мысли. Ты сначала выслушай...

— И слушать-то нечего!—захлопывая сундукъ, замѣтила Анна Ивановна.—Вѣчныя глупости!..

— Ну, все равно. Можно и не доканчивать.

— Ты ищешь ссоры, оттого и замолчалъ. Разъ началъ, такъ говори ужъ...

Онъ добродушно улыбнулся:

— Отчего ты не носишь, на примѣръ, вотъ этихъ колецъ, ожерелья?

— Очень просто... Потому что золото изнашивается... А ожерелье устарѣло—его бабушка носила.

— Гм... Ну, а отчего вот эти ложки, эти прекрасные бокалы лежать въ сундукѣ, въ то время, какъ мы ѣдимъ аллюминіевыми и пьемъ изъ дешевыхъ стакановъ?

— Митя, да ты просто какой-то ненормальный!.. По твоему все это подавать къ столу?..

Анна Ивановна насмѣшливо посмотрѣла на мужа.

— Тогда ты хотя-бы разставила ихъ въ буфетѣ. Изрѣдка можно было-бы полюбоваться... Глазъ отдохнулъ-бы... вотъ хоть на этой вазѣ.

— Вотъ еще! Да наша дура все разворуетъ...

— Вотъ, вотъ!—улыбнулся Прозоровъ.—И получается заколдованный кругъ: вещи созданы или для пользы, или для красивой жизни, а тутъ вы съ вашей бережливостью. И онѣ потеряли всякій смыслъ. Не умѣете вы жизнь украсить!

Анѣта злобно усмѣхнулась.

— Ты ее украсишь своимъ чемоданомъ и единственнымъ фраккомъ.

— Я не хотѣлъ тебя обидѣть, Нюрочка,—грустно замѣтилъ Дмитрій Александровичъ.—И не въ моей бѣдности дѣло... Но я знаю, что, когда стану зарабатывать много денегъ, я сумѣю обставить свою... нашу жизнь красиво.

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ!.. А у меня и во мнѣ все тебѣ теперь не нравится... Всѣ вы такіе!..

— Положимъ, не все, но многое не нравится,—искренно замѣтилъ Дмитрій Александровичъ.—Не нравится мнѣ, напримѣръ, что ты любишь съ прислугой перебирать косточки знакомыхъ... Не нравится также...

— Я прошу тебя не вмѣшиваться въ мою личную жизнь.

— Не нравится мнѣ,—настойчиво продолжалъ Дмитрій Александровичъ,—что ты не интересуешься искусствомъ... Да мало-ли что не нравится!.. Вотъ, напримѣръ, то, что ты—страшная неряха: твои блузки и капоты валяются повсюду, на моей кровати и даже на моемъ письменномъ столѣ...

— Вы здѣсь не хозяинъ, и у васъ здѣсь нѣтъ ничего своего!..

— Я не склоненъ былъ считать себя хозяиномъ. Но я думалъ, что, любя меня, ты иначе будешь относиться къ моему покою.

— Подумаешь!.. Изъ-за любви къ вамъ вы еще прикажете мнѣ отказаться отъ всѣхъ моихъ вкусовъ и привычекъ... Это деспотизмъ!

— Ну, ты опять за свое! Съ тобой прямо-таки нельзя говорить... Не поймемъ мы другъ друга,—безнадежно вздохнулъ Прозоровъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ понять высокоученаго неудачника. Почти годъ валандается на всемъ готовомъ у жены и еще смѣетъ рассуждать.

— Ну, это ужъ слишкомъ!—волнуясь, замѣтилъ Прозоровъ.—Всему есть предѣлъ... Мнѣ придется постараться отыскать какой-либо выходъ, чтобы избавить себя отъ подобныхъ незаслуженныхъ обидъ.

Прозоровъ переодѣлся и уѣхалъ въ городъ, хотя и былъ очень утомленъ. Уѣхалъ, чтобы, хотя на время, быть подальше отъ жены и ея дома.

IV.

Прозоровъ проигралъ процессъ, третій подрядъ; былъ золь на себя, на предсѣдателя, на прокурора, на присяжныхъ, на всѣхъ.

Жены не засталъ дома—уѣхала въ гости. Отъ скуки, отъ недовольства собой Дмитрій Александровичъ бродилъ по комнатамъ, съ злорадствомъ всматривался въ потускнѣвшія олеографіи и ворчалъ:

— Точно постнымъ масломъ вымазана эта мерзость... И какіе тона!.. Боже, какіе тона!..

Съ раздраженіемъ смотрѣлъ на мебель, упорно не отрывался отъ нея. Вглядывался долго въ ненавистный розорый капоть, небрежно брошенный на этажерку съ книгами. Стащилъ капоть съ этажерки и отшвырнулъ его ногой подъ диванъ. Съ этажерки свалилась растрепанная книга, и въ глаза бросилось заглавіе: «Искусство нравиться мужчинамъ». Въ ожесточеніи отшвырнулъ и книгу подъ диванъ.

Снова бродилъ...

«Уйти... Да какъ уйдешь?.. Вѣдь, все же Анюта моя... Переѣхать, жить до поры до времени отдѣльно?.. Глупо. Вѣдь, въ сущности, онъ ее любитъ, да и она его тоже по своему любитъ. Что же, въ гости ходить другъ къ другу, что-ли?.. Смириться, продолжать ту же жизнь и проигрывать пятый, шестой процессы?.. Да, да, проигрывать: онъ растерялъ весь свой мозгъ здѣсь, въ этомъ домѣ. Чортъ знаетъ что такое!..»

Хотѣлось всю вину свалить на жену, на обстановку, хотѣлось дать полную волю своему раздраженію... Зашелъ въ спальню, сбросилъ двухъ кошекъ, мирно спавшихъ на его кровати; кошки отряхнулись, мяукнули и медленно вышли изъ комнаты... Бушевала безсильная злоба, не находила исхода. Бросился на кровать, лежалъ, бездумно глядя въ потолокъ.

Задребезжалъ звонокъ: «Должно быть, Анютка...».

Вспомнилъ, что обѣщаль женѣ ѣхать вечеромъ въ театръ на «Двухъ подростковъ». Стало еще гаже.

Въ спальню вбѣжала возбужденная Анюта. Въ шубкѣ, не раздѣваясь, бросила:

— Это еще что за новости?.. Пачкать покрывало, портить костюмъ...

Прозоровъ зло усмѣхнулся, но смолчалъ.

Анна Ивановна сбросила шубку, сѣла въ ногачъ у мужа и, захлебываясь, зашебетала:

— Ну, не злись, не злись!.. Я тебѣ сообщу интересную новость: представь, какая скандальная исторія—Малаховъ поселился съ Рыбальской въ общей квартирѣ! Вѣдь, это чортъ знаетъ что такое: афишировать свою связь—пощечина всѣмъ намъ!

Прозоровъ въ недоумѣніи поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на жену.

— Что же за новость?.. Малаховъ живетъ съ ней уже десять лѣтъ, всѣмъ извѣстно:

Анна Ивановна недовольно пожала плечами:

— Ты удивительно сталъ тупъ за послѣднее время. Ну, да, жили... На разныхъ квартирахъ. И никому не было до нихъ дѣла. Но дойти до такой наглости, поселиться вмѣстѣ—нѣтъ, это ужъ слишкомъ!.. Это ей даромъ не пройдетъ... Ихъ не примутъ ни Филатьевы, ни Ольгушевы, да и я...

И вдругъ Прозоровъ разозлился окончательно:

— Вотъ что, Анна: Филатьевы и Ольгушевы тебѣ совсѣмъ не указъ. Ты будешь принимать Рыбальскую,—я на этомъ настаиваю.

На лицѣ у Анны Ивановны выступили отъ гнѣва красныя пятна.

— Что?.. Онъ мнѣ приказываетъ принимать всякихъ любовницъ? Онъ мнѣ смѣетъ приказывать?.. Ахъ ты, квартирантъ!.. Это уже становится невыносимымъ... Вы полегче!..

Дмитрій Александровичъ ощутилъ пустоту. Снова ни злобы, ни раздраженія. Мозгъ сталъ прозрачнымъ, вялость охватила все тѣло. Онъ легъ на спину и сказалъ усталымъ голосомъ:

— Извини, Анна... Я и забылъ совсѣмъ про ваши чехлы...

— Какіе чехлы!?.—нахмурившись, переспросила Анна Ивановна.

— Ну, да, Рыбальская съ Малаховымъ сняли чехлы, и вамъ это не понравилось... Вѣдь, это такъ ясно.

— Ты просто помѣшался на своихъ чехлахъ. О чемъ съ тобой ни заговори—повсюду чехлы!.. Съ ума сойти съ такимъ мужемъ!.. Подумаешь, сокровище!..

Прозоровъ брезгливо взглянулъ на ея взволнованное лицо и сквозъ зубы тихо, но зло, сказалъ:

— Вотъ что, Анна Ивановна!.. Бросимъ все это: надоѣло. Я очень усталъ. А кстати мнѣ сегодня некогда—я уѣзжаю... И въ театръ съ вами ѣхать не придется.

— Уѣзжаете?.. Куда, позвольте васъ спросить?.. По какимъ дѣламъ?..—иронически улыбнулась Анна Ивановна.

— Какъ вамъ сказать... Уѣзжаю во «Францію» по дѣлу объ освобожденіи господина Прозорова изъ дома предварительнаго заключенія имени г.г. Бочаговыхъ.

— Тебѣ-бы не во «Францію», а въ сумасшедшій домъ надо-бы переѣхать. Надоѣлъ ты мнѣ со своими упреками, со своей чепухой... Да и зачѣмъ тебѣ теперь жена: пожилъ на ея счетъ, отдохнулъ, была бесплатная квартира, даровая любовница, чего же еще?..

Анюта заплакала.

Прозоровъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на нее, безнадежно махнулъ рукой и отправился укладывать чемоданы.

V.

Когда онъ трясся на извозчикѣ, шель снѣгъ и покрывалъ землю бѣлымъ саваномъ.... Прозорову лѣзли въ голову назойливыя мысли. Не могъ отдѣлаться.

«Не саванъ, а чехоль... до весны. А тамъ сдернуть чехоль, и снова зазеленѣютъ поля и луга. И природа бережлива, чтобы чортъ ее побралъ!.. Вся жизнь—чехоль, все въ чехлахъ... Все, все въ вѣчномъ чехлѣ!»

На душѣ было мерзко. Хотѣлось обидѣть кого-либо.

И Прозоровъ крикнулъ извозчику:

— Эй ты, чехоль!.. Пошевеливайся, чехлятина!..

Извозчикъ, не торопясь, обернулся:

— Чего-съ, баринъ!?. Чехоль?.. Оно, пожалуй, и впрямь лучше—полость не портится.

Онъ остановилъ лошаденку, вытащилъ изъ-подъ сидѣнья грязный брезентъ и накинулъ его на обтрепанную полость.

А Прозоровъ уже забылъ обо всемъ; онъ, скорчившись, сидѣлъ на саняхъ, и на его губахъ застыла брезгливая усмѣшка.

К. Милль (Полярный.)

ВЫХОДЪ ЭСКАДРЫ.

Стихотвореніе въ прозѣ Сергѣя Гарина.

Дымитъ дредноутъ; чернѣютъ мачты, а за кормою кипитъ волна. И дремлютъ въ башняхъ колоссы стали—тѣла орудій, несущихъ громъ. Изящный крейсеръ, одѣтый въ броню, бурлитъ винтами, ускоривъ бѣгъ, и тоже смотритъ глазами пушекъ — очами смерти, на горизонтъ... А рядомъ смѣло, какъ гончихъ стая, изъ миноносцевъ идетъ отрядъ, взлетая лихо на гребень вала, чтобъ снова скрыться въ сѣдыхъ волнахъ...

Идетъ эскадра... Какъ точки, люди на фонъ стѣрыхъ, желѣзныхъ плитъ!.. Какъ точки, люди, но рядъ колоссовъ ихъ волю служитъ — послушенъ имъ...

Вотъ на гигантѣ, съ горою башенъ, вошелъ на мостикъ самъ адмиралъ... Взглянулъ пылливо... И вдругъ на мачтѣ, въ одно мгновенье, взвился флажокъ...

И вся эскадра свернула влѣво, кидая въ бездну стальную грудь... Сигналъ вторичный: гиганты вправо пошли, качаясь, пыхтя въ ходу, а крейсера же и миноносцы, гуськомъ, какъ цапли во время лета, одною лентой несутся вдаль...

Бѣлѣетъ море, въ барашкахъ волны, крѣпчаетъ вѣтеръ, — реветъ въ снастяхъ, а съ голубого простора неба бросаетъ солнце свои лучи...

Даль неизвѣстна; даль необъятна... „О, что скрываешь ты, горизонтъ?!. Несешь-ли славу, восторги битвы, вплетишь-ли лавры въ вѣнокъ побѣды?!.“

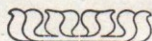
Идетъ эскадра... Какъ точки, люди на фонъ стѣрыхъ, желѣзныхъ плитъ! Но все ихъ мысли, но все ихъ чувства летятъ пылливо за горизонтъ!

„Скорѣй же, время, быстрѣе, волны!.. Шепни же, вѣтеръ, гдѣ скрылся врагъ!..“

Такъ въ даль нѣмую, и съ жаждой боя, идетъ эскадра...
Счастливый путь!..

Сергѣй Гаринъ.

Дѣйствующій флотъ.
1915 г

Энр. Серра.

ЗАБЫТЫЙ КУМИРЪ.

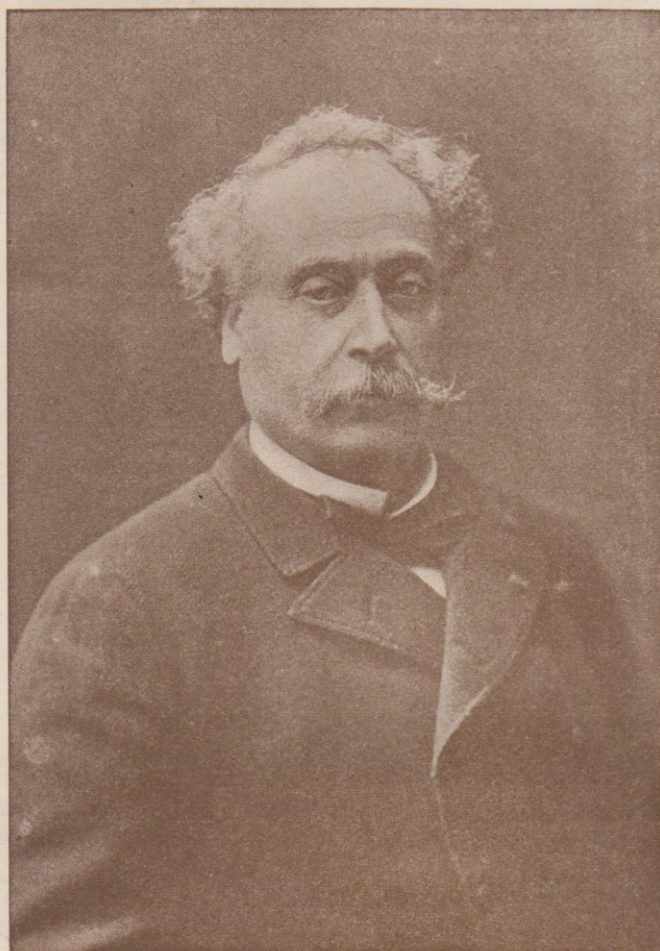
КАМНЮ.

Холодный камень, есть въ тебѣ душа!
Все гибнетъ... Только ты въ своей твердынѣ вѣчень.
Въ Элладѣ царственной ты былъ очеловѣченъ...
Безсмертный на землѣ, живешь ты не дыша, —
И все же есть въ тебѣ разумная душа.

Ты въ глыбахъ ждешь той творческой руки,
Которая въ тебя вдохнетъ живую силу...
Тамъ гдѣ-то роетъ кротъ свое жилье-могилу,
Гудитъ пчела, порхаютъ мотыльки,
А ты, недвижимый, ждешь властительной руки.

Едва рѣзецъ твою задѣнетъ грань —
Ты пробуждаешься для красоты нетлѣнной.
А наша красота сверкнетъ звѣздой мгновенной —
И смерти дастъ безвременную дань...
Молись рѣзцу и статуей возстань!

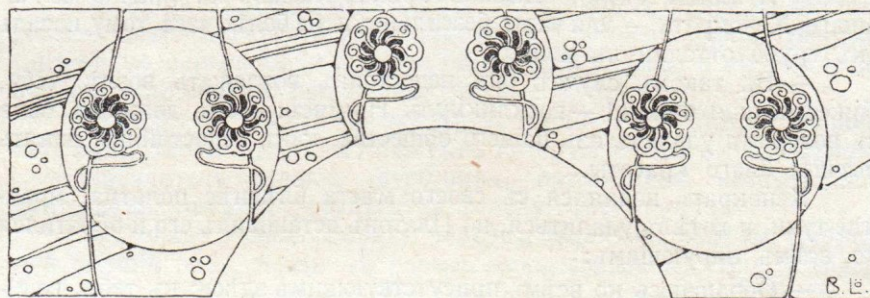
А. Мейснеръ.

АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА-СЫНЪ.

Знаменитый французскій драматургъ и романистъ.

Къ 20-лѣтїю со дня смерти.
1895—1915.

Жрица свободной любви.

Разсказъ Стеллы Кармень.

У подножія Акрополя въ стильномъ палаццо Фрины за большимъ пиршественнымъ столомъ, сервированнымъ съ головокружительной роскошью, возлежала прекрасная Фрина, утопающая въ цвѣтахъ съ вѣнкомъ изъ алыхъ розъ на классической головѣ.

По правую сторону возлежалъ мудрецъ Платонъ, по другую сторону—строгій и дикій аскетъ Хенократъ.

— О, Фрина, чудная, божественная Фрина,—говорилъ Платонъ,— я объѣздилъ много странъ, много чудесъ и красотъ видѣлъ, но ничего подобнаго твоей красотѣ до сихъ поръ не удавалось мнѣ увидѣть... Глядя на тебя, смертный возноситъ душу въ безконечный міръ красоты и правды, дѣлается лучше, чище и познаетъ Бога во всемъ его величіи и могуществѣ. Я увѣренъ, что нѣтъ такого существа на землѣ, чтобы, увидавши тебя, не восхитился-бы тобой, не палъ ницъ передъ сіяніемъ твоей красоты... и не сдѣлался твоимъ рабомъ навсегда...

— Фрина не признаетъ рабства... Фрина,—жрица свободной любви, презираетъ рабовъ,—отвѣтила съ гордостью Фрина, затѣмъ, немного помолчавъ, добавила съ грустью:— О, мудрецъ, однако и сейчасъ между вами находится человѣкъ, совершенно равнодушный къ моимъ чарамъ и съ презрѣніемъ оттолкнувшій меня...

Шопотъ изумленія и негодованія раздался вокругъ, и глаза всѣхъ пирующихъ вопросительно обратились къ Фринѣ.

— Этого быть не можетъ,— съ увѣренностью влюбленнаго воскликнулъ Пракситель.

— Прекрасная дочь Эпикла, ты сама не вѣришь тому, что говоришь, твои чары неотразимы, — сказалъ Аристотель.

— Клянусь Палладой, — воскликнулъ Демосфень, — что Фрина бредитъ или выпила лишній бокаль виноградной влаги... кто можетъ устоять передъ чарами Фрины, тотъ недостойнъ глядѣть на солнце... тотъ не живой человѣкъ, тотъ мертвецъ... Устоять передъ королевой красоты, передъ воплощенной Афродитой никто не въ силахъ... не устояли передъ ея божественной красотой судьи Эллады, такъ какъ считали преступленіемъ лишить Аейны красивѣйшей изъ женщинъ.

— А между тѣмъ,— сказала Фрина, указавъ на мрачно молчавшаго Хенократа,— мои чары безсильны и не болѣе часа тому назадъ онъ грубо оттолкнулъ меня...

— Въ такомъ случаѣ онъ недостойнъ возлежать возлѣ тебя, божественная Фрина!— воскликнулъ Никіасъ:— онъ долженъ быть съ позоромъ удаленъ изъ нашего общества, какъ недостойный понять высшее благо красоты...

Хенократъ поднялся съ своего мѣста блѣднѣе полотна, мрачнѣе тучи, и хотѣлъ удалиться, но Платонъ остановилъ его и обратился ко всѣмъ пирующимъ:

— Обращаюсь ко всѣмъ присутствующимъ здѣсь: къ тебѣ, великій художникъ Пракситель, къ тебѣ, Никіасъ, и къ тебѣ, Демосфень, что не вы, а только онъ одинъ преклоняется передъ божественной красотой Фрины, и это святое преклонение заставило его оттолкнуть ее, бросившуюся въ его объятія, и убѣжать... Вы всѣ въ ней видите только красоту ея тѣла и очарованіе женскаго обаянія, между тѣмъ, какъ единственный только между нами Хенократъ видитъ въ ней частицу Бога, видитъ въ ней такой совершенный сосудъ божественной красоты и необыкновеннаго чуда природы, благодаря чему онъ и бѣжалъ, страшась своимъ прикосновеніемъ осквернить ту святыню... страшась ея... не смѣя взглянуть на нее, какъ на солнце не глядятъ, боясь ослѣпнуть... Страшась самъ себя и своихъ низменныхъ инстинктовъ, которымъ, если дать волю, легко совершить святотатство противъ Бога, противъ природы, противъ собственной воли и желанія, такъ какъ онъ одинъ, единственный среди васъ, не видитъ въ прекрасной Фринѣ роскошную женщину, гетеру, сулившую часы наслажденія... а видитъ въ ней—божество, именно мраморную Афродиту Праксителя, передъ которой можно молиться и возносить фиміамы, какъ богамъ Олимпа, но не желать ее, какъ женщину...

Глубокое молчаніе было отвѣтомъ на слова мудреца, лишь слышно было журчаніе воды у фонтана и тихіе далекіе звуки струнъ арфы. Низко поникли увѣнчанныя вѣнками головы пирующихъ въ ароматѣ увядающихъ цвѣтовъ...

Но тишину прервало рыданіе раба Праксителя Каріона, внезапно бросившагося на колѣни передъ Фриной, въ экстазѣ любви и обожанія начавшаго цѣловать край ея одежды.

— Какъ ты смѣешь, рабъ презрѣнный, коснуться божественныхъ покрововъ ея?!— воскликнулъ Пракситель, стараясь оттолкнуть Каріона, но Фрина, поднявъ руку, съ величіемъ остановила его и задумчиво и прониновенно воскликнула:

— Пстой, пстой, его понять не можешь ты... И всѣ вы его понять не можете, кромѣ мудреца Платона... Я чувствую, что это онъ не мнѣ, красѣ земной, а чему-то высшему во мнѣ такъ преклонился...

— Онъ—рабъ презрѣнный въ ихъ глазахъ,—сказалъ спокойно и торжественно Платонъ, обращаясь къ Фринѣ,—но гляди, о, дивное воплощеніе красоты, какъ его глаза горятъ лучами чуднаго огня! Въ твоей красѣ онъ ищетъ Бога, онъ весь трепещетъ радостью небесъ и въ то же время слезы искупленія льетъ за тѣ взоры вождельнія и грѣха, какими на тебя смотрѣли всѣ, какъ на гетеру. Онъ пришелъ поклониться не женщинѣ молодой, но безднѣ страсти, но съ чистымъ стремленіемъ къ идеалу, какъ къ свѣту правды и добра, за всѣхъ молился онъ... Такимъ движеніемъ души явился онъ героемъ тутъ...

— Да, да, съ тобой согласна я, — воскликнула Фрина въ экстазѣ, снимая съ головы вѣнокъ изъ алыхъ розъ, — природы дивное твореніе, такъ вѣрно понялъ ты, и вотъ съ главы моей снимаю я вѣнокъ и имъ вѣнчаю Каріона за проявленіе высшее души.

Какъ-бы въ отвѣтъ на эту рѣчь, Каріонъ молитвенно сложилъ свои руки, низко опустилъ голову, на которую Фрина надѣла вѣнокъ.

Пракситель сначала отступилъ, пораженный необычайнымъ зрѣлищемъ, затѣмъ, хватаясь за голову, воскликнулъ:

— О, какъ я былъ неправъ, теперь я понялъ все!.. И ты, Каріонъ, мой бывший рабъ, теперь ты равень намъ, свободный сынъ Эллады...

Стелла Карменъ.

МОНОЛОГЪ.

Что дѣлать мнѣ? Къ чему стремиться?
Чего желать, о чемъ молиться?
Какія высказать слова?
Какую пѣсню спѣть?—Кружится
Отъ всѣхъ вопросовъ голова!

Всѣ мысли сжаты, какъ тисками,
Нельзя ихъ выразить словами.
Заводишь пѣсню,—не поется,
Тоскуеть грудь и сердце бьется,
Какъ узникъ, скованный цѣпями.

С. Дрожжинъ.

Московскія настроенія.

Очеркъ Н. Д. Носкова.

Въ тяжкія години народныхъ бѣдствій и государственной разрухи Москва всегда выступала на передовую позицію, оправдывая свое наименование—сердца Россіи. Такъ было искони,—такъ и осталось.

Если, въ силу обстоятельствъ, предъ новою столицей склонилась «порфиросная вдова», то этотъ отходъ въ тѣнь на іерархической лѣстницѣ не знаменовалъ дѣйствительнаго перемѣщенія центровъ. Центръ официальной Россіи перемѣстился съ береговъ Москвы на берега Невы, но центръ русской жизни, ея сердце, попрежнему остался въ Первопрестольной. Москва не захудала, но, наоборотъ, соперничество новой столицы послужило для нея источникомъ новыхъ возможностей, залогомъ ея развитія, какъ культурнаго, торговаго и промышленнаго центра Россіи.

Петербургъ созидала и строила всеильная бюрократія, не щадя народныхъ трудовъ, пота и денегъ. Безличная, она наложила на него свой полурусскій, полунѣмецкій трафаретъ, заимствованный шаблонъ, подражая то Вѣнѣ, то Берлину. Москва развивалась сама по себѣ, въ своей «дикой» для европейца своеобразности. Для него она—Европа въ Азій и въ то же самое время Азія въ Европѣ. Она—Россія. Не та Россія въ кавычкахъ, которую въ теченіе двухъ вѣковъ созидала бюрократическая власть, загоняя въ тупикъ русскую мысль и гений, починъ самобытнаго, народнаго творчества, считая себя единоличной госпожей положенія, имѣющей право приказывать и привыкшей къ безусловному повиновенію. Старой, бюрократической Россіи безпощадный приговоръ вынесла старая Москва еще въ памятную эпоху 1904 года, когда она рѣшительно и безповоротно отмежевалась отъ идеологій и принциповъ кормчихъ государственной политики Россіи, приведшихъ ее къ дальневосточной авантюрѣ. Бюрократической Россіи Москва противопоставила общественную Россію и отъ своего лица выставила «лучшихъ людей» въ первый русскій парламентъ, выбравъ ихъ изъ рядовъ оппозиціи. Вторые выборы дали тотъ же результатъ,—наглядный показатель московскихъ настроеній. Это явилось знаменательнымъ фактомъ, шедшимъ наперекоръ всѣмъ бюрократическимъ иллюзіямъ, началомъ выступленія общественныхъ силъ, получившихъ первую политическую организацію въ той же Москвѣ. вмѣстѣ, заодно со всею Россіей, Москва пережила тяжкіе годы реакціи, но эти годы не заставили ее сдать позиціи, предать забвенію быльи чаянія. Наоборотъ, когда, подъ напоромъ внезапно надвинувшихся военныхъ событій, «всесильное» правительство вдругъ оказалось безсильнымъ, когда понадобилась творческая работа и организація расплывчатыхъ общественныхъ силъ на пользу арміи, въ той же самой Москвѣ, въ короткое время, сорганизовались и выросли и всеземскій и всегородскій союзы; они могли вырасти такъ внезапно потому, что ячейки ихъ хранила до времени та же Москва—земская, городская и общественная.

Начало войны явилось началомъ окончательнаго экзамена предъ лицомъ всей Россіи и для общественныхъ нашихъ силъ, и для бюрократіи. Планомѣрная, одухотворенная дѣятельность земскаго и городского союзовъ, допущенныхъ въ видѣ исключенья въ исключительные дни (и только на эти дни, какъ гласилъ циркуляръ министра Маклакова), заслужила полное признаніе и въ арміи, и въ тылу. Первая широкая «разрѣшенная» организація общественныхъ силъ дала такіе результаты, какихъ не достигали никогда бюрократическія учрежденія въ прежнія войны. Наоборотъ, съ того же самаго экзамена наша безответственная бюрократія вышла съ полнымъ проваломъ. Даже самые снисходительные экзаменаторы должны были оцѣнить круглымъ нулемъ ея успѣхи въ наукѣ управления и ея вниманіе къ судьбамъ родины, ознаменованное такимъ вопіющимъ фактомъ, какъ недостатокъ снарядовъ у арміи. Все бюрократическое прилежаніе было направлено лишь на то, чтобы скрыть отъ народа и страны факты, замѣнивъ ихъ иллюзіями. Но иллюзіи погбили, факты же остались во ісей ихъ непреложной наготѣ. Итоги ихъ подводитъ слѣдственная коммиссія, страна же зарегистрировала ихъ въ своемъ сердцѣ. Сердце ея—Москва первая нарушила гнетъ молчанія, высказала опредѣленно и ясно то, о чемъ болѣетъ вся Россія. На закулисные толки о довременномъ мирѣ, она отвѣтила, исполненная гражданскаго мужества, что миру не быть, пока война не закончится полной побѣдой. Во имя этой побѣды Россія готова принести всѣ жертвы, непреклонная въ своемъ рѣшеніи.

Но даже для умѣреннѣйшихъ изъ умѣренныхъ представителей земской, городской, торговой, промышленной и ремесленной Россіи теперь уже ясно, что путь къ побѣдѣ только одинъ: полное обновленіе государственнаго и общественнаго строя. Въ этомъ обновленіи корень нашей силы, залогъ побѣды. Внутреннія реформы должны идти не вслѣдъ за побѣдой, а предшествовать ей, точно такъ же, какъ частное вытекаетъ изъ общаго, а не обратно.

Это новое сознаніе проникаетъ всю Россію. Оно находитъ отзвукъ во всѣхъ партіяхъ Государственной Думы, за исключеніемъ реакціонеровъ,—темныхъ силъ, прислужниковъ стараго строя, равнодушныхъ къ судьбамъ Россіи.

Москва четко формулировала, какъ смотреть на это обновленіе умѣреннѣйшіе круги общества, въ лояльности которыхъ нельзя сомнѣваться, потому что, если не лояльны они, то кто же лояленъ, кто тогда «не крамольникъ», по бюрократической терминологіи? Всѣ не лояльны, за исключеніемъ «чернаго блока», мечтающаго все еще повернуть вспять теченіе русской жизни и возстановить полицейскій застѣнокъ съ неограниченнымъ диктаторомъ во главѣ.

Диктаторъ вмѣсто народнаго представительства, рачій ходъ назадъ вмѣсто орлинаго полета впередъ, застѣнокъ вмѣсто государства—дальше этого не идутъ вдохновенные планы атамановъ черной сотни, даже въ исключительный, историческій моментъ не забывшей о сладости казеннаго кормленія и «сильной власти», не знающей ни узды, ни контроля. Москва и за нею Россія заявили этимъ «бывшимъ людямъ», бывшимъ героямъ нашей внутренней разрухи, что страна не желаетъ имѣть съ ними ничего общаго, ибо только единеніе правительства съ Государственной Думой можетъ послужить оплотомъ настоящаго, залогомъ успѣха для одолѣнія внѣшняго и внутренняго враговъ. Но такое единеніе между властью законодательной и властью исполнительной возможно лишь тогда, когда «власть исполнительная подчинится власти законодательной», когда закроется роковая пропасть между «нами» и «ими», то есть тогда, когда правительство, до сихъ поръ безответственное, будетъ ответственно предъ народными представителями, будетъ состоять изъ людей, облеченныхъ довѣріемъ страны, выбираться изъ тѣхъ «лучшихъ людей», которыхъ страна надѣлила полномочіями депутата и выслала для защиты своихъ интересовъ въ парламентъ. Только такая власть, въ тѣсномъ союзѣ и единомысліи съ Государственной Думой, сможетъ вывести Россію изъ тупика и привести ее къ полной побѣдѣ надъ врагомъ. На почвѣ этихъ пожеланій и объединились общественные дѣятели, съѣхавшіеся въ Москву. Эти же пожеланія не вызвали раскола и были приняты единогласно въ московской городской думѣ. За необходимость именно такого обновленія высказалось московское купечество, московскіе торговые круги и ремесленники. Они поддержаны тѣми же кругами Петрограда и ответными голосами провинціи. Люди различныхъ положеній, различныхъ политическихъ окрасокъ сошлись на одномъ: на необходимости бодрого, увѣреннаго шага впередъ, на необходимости укрѣпленія фундамента русской конституціи и ея основы—народнаго представительства. Идея его взошла и окрѣпла въ сознаніи массъ. Несовершенное и незавершенное, наше народное представительство, тѣмъ не менѣе, пустило глубокіе корни въ русскую почву и дало прочные побѣги. Если недавно еще одинъ изъ государственныхъ дѣятелей съ думской трибуны бросилъ крылатая слова:—«Слава Богу, у насъ еще нѣтъ парламента!», то теперь вся Россія говоритъ обратное: о необходимости Россіи имѣть парламентъ и парламентарное министерство, избираемое отъ большинства Государственной Думы и ответственное передъ ней. Россія и хочетъ видѣть у власти людей, облеченныхъ ея довѣріемъ, ей вѣдомыхъ, настоящихъ работниковъ, а не ставленниковъ. Московскія настроенія стали общерусскими настроеніями, и Москва чутко разгадала ихъ и сумѣла реагировать на нихъ...

Ник. Носковъ.

Двѣ программы.

Очеркъ Вл. Новоселова.

Послѣ полуторамѣсячныхъ трудовъ Государственная Дума распущена на два мѣсяца, «не позднѣе ноября», «въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ». Съ правительственной точки зрѣнія, Дума исчерпала кругъ вопросовъ разсмотрѣннѣ внесенныхъ правительствомъ законопроектвъ. Они стали законами. Избранники обѣихъ палатъ привлечены къ постоянной непосредственной работѣ при особыхъ совѣщаніяхъ. Дума сдѣлала свое дѣло, и потому занятія ея могутъ быть прерваны. Періодъ «бездумья» используетъ правительство для проведения въ жизнь законовъ, принятыхъ палатами.

Но существуетъ совсѣмъ иная точка зрѣнія и она все прочнѣе закрѣпляется въ сознаніи общественной Россіи, что въ такія исключительныя минуты, какъ переживаемыя теперь нами, только въ непрерывномъ и тѣсномъ единеніи правительства съ народнымъ представительствомъ возможна организація побѣды, мирное устраненіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ, ведущихъ къ этой побѣдѣ. Отъ реформъ—къ побѣдѣ, ибо онѣ ключъ къ ней,—таково выраженіе общественнаго мнѣнія. Побѣда и за ней реформы,—отвѣчаетъ правительство. Оно не отрицаетъ ихъ неизбежности, но въ понятіяхъ о реформахъ опять-таки обозначаются два діаметрально-противоположныя теченія: коренная перестройка всей дѣйствующей системы и частичныя улучшенія и заплаты; неизбежная близость нови и близорукая боязнь этой самой нови. Правительство, говоря о грядущемъ обновленіи Россіи, не выработало никакой опредѣленной программы. Дума намѣтила ее въ первомъ же собраніи и развила въ дальнѣйшихъ.

Думская программа сплотила думскія партіи и фракціи, явилась своего рода политической платформой минимума того «прогрессивнаго блока», который объединилъ думское большинство. Выступленіе Москвы и за нею другихъ городовъ Россіи совпало съ выступленіемъ думскаго большинства съ его программой. Дума не предвзяла этого выступленія, но шла параллельно съ нимъ, ибо глубоко ошибоченъ и узокъ тотъ взглядъ, что политическіе лозунги идутъ отъ Думы къ странѣ, а не наоборотъ—отъ страны къ Думѣ, которая только является показателемъ и выразителемъ настроеній послѣдней. Дума является только той отдушной, сквозь которую идетъ токъ свѣжаго воздуха, притекающей извнѣ. Оттого-то въ періоды дѣйствія Думы страна легче и бодрѣ дышитъ, выходитъ изъ своего удушливаго сна. Говорятъ, что думская трибуна нервируетъ страну; на самомъ же дѣлѣ, нервируетъ не эта трибуна, съ которой свѣтится подобіе живого слова и борьба за истину, а отсутствіе намека на живое слово, невозможность такой борьбы,—замѣна гласности полнымъ безгласіемъ, всплываніе на поверхность заднимъ числомъ непререкаемыхъ, но вопіющихъ фактовъ, тщательно замалчиваемыхъ и обойденныхъ. Въ этомъ случѣ выступленіе со своей декларацией нашего народнаго представительства, не выражающаго истиннаго представительства отъ всей Россіи, а только отъ нѣкоторыхъ изъ званнхъ ея классовъ, особенно знаменательно. Возможность возникновенія такого блока прежде всего указываетъ на сдвигъ влѣво, въ сторону коренныхъ реформъ, даже со стороны тѣхъ лицъ и партій, которыя еще недавно были глубоко равнодушны ко всякимъ реформамъ и еще недавно бережно носили лозунгъ: прежде успокоеніе—потомъ реформы. Теперь и для нихъ ясно, что реформы должны предшествовать побѣдѣ, быть ея причиной, а не ея слѣдствіемъ.

Программа блока ясно выставила тезисъ, что побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ единственно возможна при сильной, твердой и дѣятельной власти, способной къ организаціи активнаго сотрудничества всѣхъ гражданъ. Предъ лицомъ врага, предъ общей опасностью, грозящей Россіи, сдаются въ архивъ старые лозунги—ежовыхъ рукавицъ, распыленія общественныхъ силъ и правительственной опеки. На новой политической платформѣ, на нашихъ глазахъ, объединяются необъединимые еще недавно элементы отъ думскихъ прогрессивныхъ націоналистовъ до партіи народной свободы включительно. Для осуществленія программы блока необходимо соотношеніе реальныхъ силъ, образованіе большинства въ обѣихъ законодательныхъ палатахъ...

Прогрессивный блокъ выдвинулъ во главу угла новаго политическаго курса строгое проведеніе начала законности въ управленіи, устраненіе двоевластія военной и гражданской власти въ вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ веденію военныхъ операций, обновленіе состава мѣстной администраціи, разумную и послѣдовательную политику, направленную на сохраненіе внутренняго мира и устраненіе розни между національностями и классами.

Для проведения в жизнь новых начал, для того, чтобы они получили творческое выражение, прежде всего необходима «в путях монаршего милосердия» — амнистия. Окрыленные этим лозунгом нового курса, девять лет назад, собрались впервые народные избранники. Первое слово первой Государственной Думы, прозвучавшее в стенах Таврического дворца, было — амнистия. Теперь, через десять лет, выдвигается снова тот же великий лозунг, объединяющий даже недавних правых, перешедших в разряд прогрессивных элементов. Силою вещей и обстоятельств даже недавние защитники неприкосновенности форм и традиций пришли к заключению, что понятие о государственной пользе и вреде, о государственной доблести и преступлениях понятие весьма растяжимое, сообразно с правительственной точкой зрения. Отменить их безсильно новое правительство, но в путях монаршего милосердия возможно прекращение дела, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягченных преступлениями общеуголовного характера, освобождение от наказания и восстановление в правах, включая право участия в выборах в Гос. Думу, в земские и городские учреждения и т. д., лиц, осужденных за те же преступления, и смягчение участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления, за исключением шпионов и предателей.

Прогрессивный блок определенно высказался за возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера и за полное и решительное прекращение преследований за веру под какими бы то ни было предлогами и отменой циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года. Под углом этого освещения встали и польский, и финляндский, и малорусский, и еврейский вопросы...

Базируясь на платформе активного сотрудничества всех граждан с правительственной властью, прогрессивный блок не мог не упомянуть в своей декларации о профессиональных организациях и рабочей печати. Распыление общественных сил, пресечение действий профессиональных организаций, закрытие рабочей печати и преследование представителей рабочих в больничных кассах, по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии, — всей стратегии и тактики безответственного правительства по рабочему вопросу, — не могло не встретиться в программе прогрессивного блока иного отношения, как резко противоположного. Кроме того, декларация прогрессивного блока признает необходимость соглашения правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения в жизнь всех законопроектов, имеющих ближайшее отношение к национальной обороне, снабжению армии, обезпечению раненых, устройству участи беженцев и другим вопросам, непосредственно связанным с войной. Намечена блоком и обширная программа законодательных работ, направленных к организации страны для содействия побед и к поддержанию внутреннего мира, уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение волостного земства, изменение земского положения 1890 года, изменение городского положения 1892 года, введение земских учреждений на окраинах.

В какую бы форму ни вылилась дальнейшая деятельность прогрессивного блока, самый факт его образования неуклонно свидетельствует о растущем с каждым новым днем самосознании русского общества. Великие испытания войны, как естественный противовес, вызвали и великие силы страны. В подспудных глубинах ее таятся неизсякаемые источники живой жизни и только благодаря им под крестной ношей судьбы не содрогнулась, не пошатнулась, не опустила рук великая страна — великая в своем терпении и подвижничестве, великая в своем творческом созидании и строительстве.

Дума распущена. Правительство признало программу блока — «чрезмерной»; оно на два месяца отсрочило встречу власти с образовавшимся парламентским большинством, имевшим решающий голос в палате.

Бывают исторические моменты, когда один день несет больше, чем год, когда месяц может считаться за год.

Такой момент мы переживаем теперь; загадывать, что произойдет через два месяца, — труд напрасный и бесполезный. Пред страшною опасностью стоит Россия и всеми силами, всеми мерами, заглянув прямо в лицо этой опасности, мы должны считаться с нею. Не разъединять, а соединять силы должны; ибо родной дом в огне и враг у порога.

Вл. Новоселовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Выпускъ восемнадцатый.

	Стр.
Прошла моя весна... Стихотвореніе А. Домасудь-Бромірской.	585
Сонетъ. Стихотвореніе Юрія Коса	586
Деревенскій батюшка. Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.	587
Любовь. Стихотвореніе Зои Бухаровой.	600
Чехлы. Разсказъ К. Милля (Полярнаго).	601
Выходъ эскадры. Стихотвореніе въ прозѣ Сергѣя Гарина.	608
Камню. Стихотвореніе А. Мейснера.	609
Жрица свободной любви. Разсказъ Стеллы Карменъ.	611
Монологъ. Стихотвореніе С. Дрожжина.	613
Московскія настроенія. Очеркъ Н. Д. Носкова.	614
Двѣ программы. Очеркъ Вл. Новоселова	616

КАРТИНЫ: 1) **Осень** Картина въ краскахъ К. Гефнера. 2) **Любовное письмо.**
Автотипія съ картины Коркоса.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСОБІЕ

ДЛЯ УЧАЩИХЪ, УЧАЩИХСЯ И САМООБРАЗОВАНІЯ:

ТИПЫ	Тургенева . Ц. 2 р. — к.	Грибоѣдова Ц. 1 р. — к.
	Лермонтова » 1 » — »	Пушкина . » 2 » — »
	Гоголя . . . » 1 » 25 »	Гончарова . » 2 » — »
	Аксакова . » 1 » — »	Островскаго . . . (печат.).

Редакція Н. Д. НОСКОВА.

Задача изданія дать такое справочное пособіе по русской литературѣ, которымъ могъ бы пользоваться каждый, сколько-нибудь знакомый въ подлинникъ съ произведеніями писателя.

По отзывамъ печати, изданія такого рода не было еще не только у насъ въ Россіи, но и за границей; оно является «цѣннымъ справочникомъ», пособіемъ, имѣющимъ большую и ничѣмъ незамѣнимую «цѣнность», «настолярной книгой», «одинаково необходимой» для педагога, писателя, офицера, готовящагося къ поступленію въ академію, «для каждаго желающаго возстановить въ памяти прочитанное произведеніе», «полезнымъ вкладомъ въ бібліотеку семьи и школы» и «положительно необходимымъ для серьезныхъ бібліотекъ». Оно служитъ также весьма цѣннымъ дополненіемъ къ произведеніямъ писателя и «даетъ знакомство не только съ его произведеніями, но и со всей литературой о немъ, ученою и художественно-критическою».

Издательство «Словарь Литературныхъ Типовъ», Петроградъ, Тверская, 14.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/581

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получать въ теченіе 1915 года:

24

роскошныхъ выпуска Художественно-Литературнаго и научнаго журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50

художественныхъ картинъ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12

книгъ, въ 3-хъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ, юбилейнаго изданія сочиненій (по случаю 50-лѣтія со дня смерти)

М. И. МИХАЙЛОВА.

Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**

въ стилѣ Людовика XVI-го.
Картина на атласѣ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**

Изящный стѣнной горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ

„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ

„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магнуръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.

ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ

съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго итальян. худож. **ГЕРЦОНИ.**

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голикe и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года **ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ**

извѣстнаго художника **Ф. Лефлера.**

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ картины 63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб., на второе полугодіе 5 руб., на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 60 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.